

А. Н. Медушевский

Социология права

DirectMEDIA

Андрей Медушевский

Социология права

«Директ-Медиа»

УДК 316.334.4(075.8)

ББК 60.56я73

Медушевский А. Н.

Социология права / А. Н. Медушевский — «Директ-Медиа»,

Книга вносит вклад в теорию социальных функций права, показывая его роль в социальной интеграции, осуществлении контроля, разрешении конфликтов, легитимации социальных отношений, конструировании политических институтов. В то же время она имеет выраженную практическую направленность и может использоваться в качестве методической основы в таких жизненно важных областях, как законодательное проектирование и социологическая экспертиза принимаемых законов. Критически используя теоретические подходы современной социологии права, автор обосновывает свои выводы на значительном эмпирическом материале, в том числе собственных исследований, в области частного и публичного права, законодательных проектов и их реализации; разработки земельного законодательства, истории кодификации и преодоления правового дуализма, конституционных и административных реформ новейшего времени, а также судебной практики.

УДК 316.334.4(075.8)

ББК 60.56я73

© Медушевский А. Н.

© Директ-Медиа

Содержание

Введение	5
Глава 1	10
1. Понятие идеологии и классификация идеологий по отношению к праву	11
2. Консерватизм: сохранение действующего права во имя верности традиционным ценностям	23
3. Либерализм: преобразование права во имя свободы	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Медушевский

Социология права

Введение

Социология права – область науки, исследующая взаимоотношения права как социального института с социальной структурой и ее изменениями в целом. Социальный институт интерпретируется как понятие, означающее устойчивый комплекс формальных и неформальных норм, установок и правил, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организации их в системы ролей и статусов, образующих социальные системы. Данный подход видит цель социологии права в выявлении самостоятельного значения правовой нормы в конструировании социальных институтов (поскольку именно нормы создают основу информационной структуры институтов и их функционирования).

Социология права – новая дисциплина, формирование которой происходит в последние десятилетия: до настоящего времени она обсуждает предмет своих исследований, разграничение интересов с такими близкими дисциплинами, как, например, экономическая и политическая социология, криминология и юридическая антропология. Однако она опирается на значительную научную традицию. Становление права в особую систему социальной организации раскрывается на основе идей классической социологии права – концепций Э. Дюркгейма и М. Вебера, интерпретировавших его в рамках теории социальной дифференциации, функционального распределения ролей в обществе и выдвигавших его типологию на различных этапах с точки зрения институционализации нормативизма и функциональной роли правовой нормы в социальном регулировании. Этот подход позволяет видеть в праве главный инструмент социальной организации, разрешения конфликтов, обеспечения безопасности и социального мира (1). Из всех систем нормативного порядка право, с точки зрения функционального подхода (Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Луман), является наиболее эффективной системой социального контроля в современных обществах, где оно выступает механизмом интеграции и регуляции социального поведения индивидов, подавления и исправления «отклоняющегося» поведения.

Право определяется в современной науке как специфическая форма социальной организации, выступающая как норма, факт и ценность. Комплексное рассмотрение права как многомерного феномена возможно лишь с учетом всех трех конкурирующих перспектив. Действительно, изучение нормативной природы права позволяет раскрыть отношения должностования (обязательное, запрещенное или дозволенное поведение), пронизанные единой волей. Раскрытие фактической природы права выявляет существование юридического феномена в обществе, что предполагает анализ особой сферы взаимоотношений между обществом и правом. Наконец, ценностное измерение права показывает его соотношение с господствующими в обществе представлениями о справедливости, являющимися продуктом доминирующих исторических традиций, идеологических концепций и общественных настроений. Идеальная конструкция правовой нормы определяется наличием таких ее параметров, как справедливость (на чем настаивает юснатурализм), законность (о чем говорит нормативизм) и эффективность (к чему призывает реализм) (2). Предложенный подход к праву исходит фактически из этой идеальной конструкции, совмещающей все три параметра, которая функционирует в развитых правовых системах, хотя и там дает сбои. На практике эти параметры могут противоречить друг другу, переплетаться или проявляться один через другой. Поэтому право может восприниматься как справедливое, но не соответствующее позитивному закону, соответствующее его нормам, но не эффективное. Каждый из элементов триады вступает в конфликт с двумя другими.

Это заставляет обратиться к изучению проблемы эффективности права. Современная концепция спроса на право очень близка, в сущности, к утилитаристской философии И. Бентама и Дж. Остина, рассматривавших институт права и судебную власть с точки зрения их социальной полезности. Их интересовал прежде всего социальный эффект принимаемых законов и решений судов (3). В настоящее время этот взгляд представлен так называемой автопоэтической концепцией права, основанной на альтруистическом представлении о нем как известной саморегулирующейся системе, внутренняя рефлексивная логика развития которой отвечает перспективным целям общества и развития его формальной нормативно-правовой регуляции. Эта концепция действительно реализуется в правовых системах, где уже действуют эти механизмы саморегуляции. Проблема заключается в том, что она не имеет смысла в обществах, где правовая система только находится в стадии становления, а новые нормы и институты плохо адаптированы к социальному содержанию. Это относится ко многим обществам переходного типа, в частности к России, которая в начале XXI в. оказалась вынужденной решать проблемы, стоявшие перед ней в начале XX в.

Классическая российская юридическая школа представляет собой основу разработки научной концепции права в современной России. Во всех странах обращение к классике стимулирует мысль новейших исследователей. Но для нас оно особенно актуально. Это связано прежде всего с необходимостью восстановить разорванную преемственность национальной правовой традиции; а также с тем, что русская дореволюционная классика служит одновременно источником знаний обо всей мировой науке эпохи ее существования; наконец, она разработала ряд проблем, представляющих специальный интерес для России (4).

Русская юридическая школа прошла несколько значимых этапов в своем формировании, связанных с переходом от традиционного сословного общества к гражданскому. Ее основателями были Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин и В.И. Сергеевич, выступившие с целостной концепцией исследования права, его преобразования, либеральных реформ в России 60-х гг. XIX в. На следующем этапе данное направление было представлено трудами таких ученых, как А.Д. Градовский, М.М. Ковалевский и С.А. Муромцев, заложивших основы сравнительного правоведения и социологии права. Позднее ряд ученых, развивая эти подходы, перенес их на изучение социологии права и других отраслей права (Л.И. Петражицкий, Н.С. Таганцев, Г.Ф. Шершеневич), а также на разработку проблем кодификации и истории права. Все это направление русской юридической науки объединяла приверженность либеральным ценностям, политическим реформам и конституционализму. В их трудах дана научная концепция отношений общества и государства, трансформации сословного общества в гражданское и абсолютизма в правовое государство. Важной стороной их деятельности являлась связь таких параметров, как разработка философии права, позитивного законодательства, а также политической практики. Так, Чичерин и Кавелин выступали теоретиками крестьянской и судебной реформы, Градовский являлся одним из авторов конституции Болгарии, Муромцев – лидером земского конституционализма и председателем Первой Государственной Думы, а Н.С. Таганцев – основным разработчиком Уголовного уложения 1903 г.

Каким образом и где законодательные конструкции прошлого могут быть использованы современным юристом? Это прежде всего философия права, которая не может игнорировать теоретических дебатов прошлого. Например, все дискуссии о фундаментальных правах и возрождении естественного права, соотношении его с позитивным правом и нормативизмом, роль социологии права. В связи с этим происходит обращение к теории возрождения естественного права, представленной в русской мысли начала XX в. П.И. Новгородцевым, С.Н. Трубецким. Это, далее, психологическая школа в юриспруденции (Л.И. Петражицкий, Н.М. Коркунов). Наконец, уголовно-антропологическая школа (например, Д.А. Дриль). Существенное значение имеет в этом контексте дискуссия сторонников естественного права и юридического позитивизма, например, А.Х. Гольмстена и С. В. Пахмана, с одной стороны, и С.А. Муромцева и

Г.Ф. Шершеневича – с другой (она во многом предварила те споры, которые имели место в Западной Европе позднейшего времени, например, между Г. Кельзенем и сторонниками юснатурализма). Это и общий вклад социологической школы права, основатели которой (Ковалевский и Муромцев) остаются наиболее видными теоретиками данного подхода в русской науке. Вторым направлением рецепции юридических конструкций прошлого должно быть признано конституционное право – теоретическая разработка и практическое применение таких понятий, как «конституционное» и «государственное» право, его соотношение с административным правом, основное законодательство, соотношение закона и указа, роль чрезвычайного законодательства, административного распоряжения и делегированных полномочий. Эти идеи получили практическое воплощение при разработке конституционных проектов, а также юридических оснований Учредительного собрания (труды Н.И. Лазаревского, Ф.Ф. Кокошкина, В.М. Гессена и др.). Эта сфера применения чрезвычайно широка и охватывает пространство от общих вопросов теории права (прав человека, концепции разделения властей и федерализма) до совершенно конкретных (например, дискуссия о предельно допустимом сроке содержания подозреваемого под стражей до рассмотрения его дела судом).

Третье направление – анализ богатой судебной практики по гражданским и уголовным делам. Можно выделить несколько перспективных направлений, взаимосвязанных между собой. Например, в цивилистике это труды К.Н. Анненкова, А.Х. Гольмстена, С.И. Зарудного, К.Д. Кавелина, Д.И. Мейера, К.И. Малышева, С.А. Муромцева, С.В. Пахмана, Л.И. Петражицкого, И.А. Покровского, В.И. Сергеевича, Г.Ф. Шершеневича если называть только основные имена. В уголовном праве и криминологии – блестящая школа, представленная именами А. Вульфферта, М.Н. Гернета, С.К. Го- геля, Д.А. Дриля, А. Духовского, А.А. Жижиленко, В.Д. Набокова, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого, Х.М. Чарыхова и др. Некоторые из изданий классических трудов могут использоваться (и уже используются) как учебные пособия (как, например, курс М.Ф. Владимирского-Буданова по истории русского права; Е.В. Васьяковского по цивилистической методологии или книга М.Я. Острогорского о демократии и политических партиях). Отметим практическое влияние Судебных уставов 1864 г. на разработку и реализацию судебной реформы постсоветского периода, которое отмечалось многими исследователями и признавалось практиками (прежде всего, например, суд присяжных, презумпция невиновности, внутреннее убеждение судьи, вопрос о прецедентном характере судебных решений).

Важен вклад русской школы социологии права, анализировавшей эти проблемы в условиях традиционной правовой системы, характеризовавшейся существованием феномена правового дуализма (рационального позитивного и традиционного обычного права) – С.А. Муромцева, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, Л.И. Петражицкого, Г.Ф. Шершеневича, П.А. Сорокина и других исследователей, разрабатывавших социологические параметры частного и публичного права, истории права (российского, западного и римского), а также отдельные проблемные области (например, обычное право, переходные формы землевладения, специфические категории социальной зависимости).

Вопрос о рецепции норм римского права и западных кодексов являлся одной из ключевых тем русской правовой мысли в ходе и после либеральных реформ 1860-х гг. Он отражен в дискуссиях о кодификации права в России, а участники этих споров (как, например, Н.М. Коркунов) предложили теоретическое решение проблемы. Поскольку русское дореволюционное право заимствовало многие нормы из западных кодексов (прежде всего, разумеется, Кодекса Наполеона и Германского Гражданского Уложения), то очевидно, что современное обращение к этим нормам является уже повторной их рецепцией.

В других отраслях права непосредственная рецепция законодательных норм прошлого возможна при их переосмыслении с позиции новой реальности. Так, введение собственности на землю актуализировало ряд норм предшествующего гражданского права, дискуссии о содержании таких понятий, как, например, сервитуты. В русской юриспруденции существо-

вало особое направление, связанное с анализом и юридической фиксацией обычного права (как крестьянского, так и отдельных народов). Это относится, например, к вопросу о возможности принятия современным законодательством существующих у некоторых народов норм обычного права – проблема, тщательно разработанная в старой русской литературе.

Из этого подхода вытекает современная трактовка роли права в поддержании социального равновесия путем социализации индивида в рамках общих ценностей, передаваемых в виде нормативных моделей поведения, составляющих структурную основу общества и преодоления дисфункционального, отклоняющегося поведения с помощью последующего репрессивного контроля. Наряду с этим право выполняет функцию и другого, нерепрессивного, контроля, который определяется как регулятивный, дистрибутивный и превентивный. Этот последний способствует выражению и институционализации социальных интересов (5).

Рассмотрение права как формы социальной организации (предложенное школой юридического реализма) подчеркивает его роль в конструировании социальной реальности, осуществлении своего рода социальной инженерии, состоящей в гармонизации интересов в условиях конфликта, достижении социальных целей и удовлетворении социальных нужд, что способствует интеграции индивидов в определенную социальную структуру. Право организует нормативную структуру общества, общественное поведение индивидов и активно вмешивается в модернизацию социальной и экономической структуры. С этим связана еще одна чрезвычайно важная функция права – легитимация новых социальных институтов (как единства процессов и норм), особенно в условиях быстрых социальных преобразований.

Важная проблема социологии права – сравнительное изучение различных политико-правовых систем в истории и современности, анализ формальной (закрепленной в законах) и неформальной (реальной) структуры власти, раскрытие механизма власти политических режимов. В связи с этим особое внимание конституционного (государственного) права, юридической и политической социологии привлекает анализ правовой культуры общества, механизма производства права в рамках разделения властей на разных уровнях – законодательной, исполнительной и судебной, федеральной и местной, элитных групп, а также таких, как политическая элита (правлящий слой), экономическая элита (слой менеджеров), научно-техническая, национальная и региональная и др., характер их обратного влияния на правовую систему, в частности, в периоды социально-экономических преобразований.

С предложенных позиций становится возможным реконструировать широкое проблемное поле, которое до настоящего времени было разделено между рядом традиционных дисциплин – правом, социологией, историей, антропологией и др., которые, однако, не усматривали в нем внутреннего единства. Это единство определяется концепцией права как основного инструмента социальной организации и социального регулирования. Вместе с тем данный подход демонстрирует актуальность социологии права как дисциплины в системе универсального гуманитарного образования. Таким образом, достигается цель социологии права – выяснение взаимосвязи правовой нормы и социальных структур в процессе изменений; определение характера этой связи (позитивная или негативная корреляция их отношений) и степени их синхронности (опережающая роль правового регулирования по отношению к социальным изменениям или наоборот); параметры дисфункции между ними (когда, например, введение правовой нормы приводит к неожиданным или даже прямо противоположным ожидавшимся социальным последствиям); определение перспективных направлений социального конструирования и их планируемого социального эффекта; наконец, достижение социальных целей путем направленной политики права.

Данный труд имеет своей целью анализ практических достижений современной науки в области социологического изучения правовых явлений, включая выводы теоретической и прикладной социологии, теории права, сравнительного конституционного права, а также элементы анализа судебной практики по гражданским и уголовным делам, решений Конституци-

онных судов. Книга состоит из разделов – тематических блоков, раскрывающих специфику социологического (функционального, а не нормативистского) подхода к праву, а также к его важнейшим отраслям. Она открывается разделом о легитимирующей функции права – формировании политико-правовых идеологий современности, оказавших определяющее влияние на теоретическую интерпретацию права и характер его применения в разных обществах (гл. 1); другая сторона проблемы – социальные функции юридических норм – представлена в разделе о праве и экономике (гл. 2). Особый круг проблем социологии права связан с изучением конфликтности нормативной системы и социальной практики, функцией социальной защиты – спроса на право и отказа от него, отклоняющегося и преступного поведения, а также форм его преодоления (гл. 3). Механизмы применения права (или создания суррогатных квази-правовых норм) для разрешения конфликтов – осуществления направленного социального регулирования – прослеживаются особенно четко в сфере политики, которая постоянно сталкивается с дилеммой эффективности и законности принимаемых решений (гл. 4). Наконец, центральная функция права – обеспечения консенсуса в меняющемся обществе – делает актуальной тему преемственности и разрыва в его существовании. Эта проблема рассматривается в рамках теории конституционных циклов с привлечением эмпирического материала о механизмах и типах переходных периодов (гл. 5).

Особенностью данного труда является то, что автор, привлекая основные теоретические подходы современной социологии права, обосновывает свои выводы на значительном эмпирическом материале, в том числе собственных исследований, в области частного и публичного права, законодательных проектов и их реализации; разработки земельного законодательства, истории кодификации и преодоления правового дуализма, конституционных и административных реформ новейшего времени, а также судебной практики (6). Книга стремится внести вклад в теорию социальных функций права, но в то же время имеет выраженную прагматическую направленность и может использоваться в качестве методической основы в таких жизненно важных областях, как законодательное проектирование и социологическая экспертиза принимаемых законов.

Основное внимание обращено на проблемы социальных параметров создания правовых норм, их реализации в практике судопроизводства, а также социального эффекта их применения. Поэтому автор обращается к социологическим параметрам частного, публичного и уголовного права, методам анализа судебной практики, использованию социологических данных в криминологии для определения целей наказания и профилактики преступности. Изложение этих вопросов ставит своей целью показать значение методов социологии права для аналитической работы в условиях современных российских реформ – земельной, административной, судебной.

Глава 1

Легитимность и законность: политико-правовые идеологии современности

1. Понятие идеологии и классификация идеологий по отношению к праву. 2. Консерватизм: сохранение действующего права во имя верности традиционным ценностям. 3. Либерализм: преобразование права во имя свободы. 4. Социализм, коммунизм, анархизм: разрушение права во имя равенства. 5. Национализм, фундаментализм и модернизация: отождествление народного и национального суверенитета. 6. Глобализация, модернизация и новые идеологические течения: насколько универсальна европейская модель гражданского общества и правового государства.

Переходы от одной идеологии к другой, мутации известных идеологий, появление причудливых гибридных форм наблюдались в разное время и в истории разных стран. Но этот феномен остался непроявленным до настоящего времени или даже запутанным. Причиной этого является то, что споры об идеологиях – их возникновении, соотношении между собой и воздействии на общество – практически никогда не свободны от идеологических преувеличений. Они ведутся идеологами и преследуют политическую цель – сохранить тот или иной миф, придать ему новые жизненные силы, отстоять его в полемике с оппонентами. Вопрос об идеологиях современного общества – тема, изучение которой менее всего соответствует научному идеалу свободы от оценки. В феномене идеологии, возможно, более чем в каком-либо другом явлении духовной жизни современного общества, оказывается невозможным позитивистское разделение факта и оценки, поскольку сама оценка становится фактом интеллектуальной и политической действительности, оказывая мощное влияние на массовое сознание и интерпретацию им значительного числа других, более нейтральных фактов. В результате ожесточенность идеологических споров соответствует неопределенности (часто сознательной) самого понятия идеологии и составляющих ее элементов.

В данном разделе дается обоснование понятия идеологии; проводится классификация основных классических идеологий, сложившихся в XIX в., и раскрываются представленные ими модели социального устройства; затем рассмотрены комбинации различных идеологий в XX в., связанные как с быстрым изменением социальных отношений, так и особенно с тенденциями к модернизации и глобализации в XXI в.; в заключение предложена динамическая концепция смены идеологий.

1. Понятие идеологии и классификация идеологий по отношению к праву

Понятие идеологии. Основная трудность научного исследования идеологии связана с различным объемом и многозначностью этого понятия в истории (1). Поэтому диаметрально противоположными оказываются выводы об историческом содержании этого явления и перспективах его развития (2). Для одних исследователей наша эпоха – это «время идеологий», для других – «конец идеологий», «прощание с иллюзиями»; одни полагают, что мы присутствуем при «конце истории», другие говорят о наступлении эпохи «мирового беспорядка», имея в виду утрату содержания предшествующими идеологиями; наконец, одни предсказывают потерю идеологиями своего социального потенциала, другие, напротив, усиление социальной роли идеологий в условиях глобализации (3).

Понятие «идеология» было введено Дестю де Траси в период Французской революции (1789–1801) для обозначения науки, изучающей законы функционирования идей в качестве психических факторов и их отношения к языку (4). Что касается самого феномена идеологии, то его понимание было близко идее светской религии, сформировавшейся в революционную эпоху (5). Понятие «идеологи» было также применено для обозначения определенной политической группы, которая развивала традиции энциклопедистов (Дестю де Траси, Кабанис, Вольней). Наполеон использовал это слово в негативном смысле, понимая под «идеологами» политических мечтателей. Гегельянцы применяли это понятие для обозначения субъективной стороны процесса познания (6). Затем процесс определения понятия прошел несколько этапов.

Во-первых, выявление идеологии как самостоятельного объекта исследования. Понятие идеологии в узком смысле, позднее получившее широкое распространение, было сформулировано К. Марксом и Ф. Энгельсом – первоначально в «Немецкой идеологии» (1846) (7), где еще не было четкого определения, а более определенно в других работах: «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (8) и письмо к Мерингу от 14 июня 1893 г. (9). В этой интерпретации идеология идентична ложному сознанию (*falschen Bewusstsein*) или процессу мистификации сознания, который ведет к созданию искаженной картины мира. С одной стороны, мышление отражает социальные конфликты, коренящиеся в материальной сфере и в этом смысле детерминируется ими, с другой – оно, будучи маскарадом реальности, имеет существенную автономность и способно оказывать самостоятельное воздействие на социальное бытие. В результате индивид перестает понимать реальные силы, которые руководят его мыслями. Наиболее важный вклад марксизма в изучение идеологий – установление зависимости между мышлением и интересами, а также выявление интересов особого типа, оказывающих наиболее мощное воздействие в идеологическом производстве, именно – интересов, связанных с социальным (классовым) разделением общества. Однако, если принять вывод о всякой идеологии как ложном сознании, то становится бессмысленным разделение идеологий на «ненаучные» и «научные», поскольку идеологическое восприятие действительности объективно имеет другую природу, нежели научное, оно основано на вере, а не на знании. Поэтому вся марксистская критика предшествующих типов идеологий, например, религиозного сознания, может быть обращена против него. В этом смысле марксистская идеология по аналогии с религией получила определение «опиума интеллектуалов» (Р. Арон) (10).

Во-вторых, анализ структуры идеологии. Проблема разделения собственно идеологического компонента и познавательной ценности социально-политических доктрин, оказавшаяся особенно актуальной в новейшее время, стала предметом разработки в социологии знания – специальной дисциплине, дифференцировавшей функционально-генетическую обусловленность идей, с одной стороны, и определение их научной легитимности, с другой. Идеологии стали изучаться как феномен социального сознания независимо от того, являются они истин-

ными или ложными в познавательном смысле; они предстали как выражение определенных социальных интересов – инструментов, с помощью которых социальные группы стремятся достичь своих целей. Данный процесс социальной самоидентификации, особенно в новейшее время, был связан с осознанным конструированием различных идеологических моделей. Ключевое значение в связи с этим приобретал анализ специфического немецкого понятия «Weltanschauung» (мировоззрение), которое, отнюдь не будучи тождественным науке в ее позитивистском понимании, служит в то же время основанием всякой политической позиции. Значение данного понятия состоит прежде всего в том, что оно претендует на целостное философское объяснение мира, охватывающее фундаментальные проблемы бытия, истории, места личности в обществе; во-вторых, в восстановлении утраченного современным обществом единства социального факта и его оценки и, наконец, в-третьих, в четком определении алгоритма достижения определенной социальной цели. В результате принятия частью общества определенного мировоззрения вполне логичным становится появление на его основе особого идеологизированного образования – «политической педагогики», «политического образования», направленных на создание в обществе особой социально- политической ориентации. Социальные и политические разделения проявляются и выражаются в конфликте и соперничестве мировоззрений, а его логическим завершением становится создание партийных школ разной направленности (11).

Другой стороной проблемы становилось разграничение понятий идеологии и утопии. Последняя также представляет собой «идею». Однако это не статичная платоновская идея, характерная для греческой традиции, где она была конкретным архетипом, первой моделью вещей. Утопия – это идея, постигаемая скорее как «формальная цель, проецируемая в бесконечное будущее, функция которой состоит в том, чтобы действовать исключительно как регулятивный план в земных делах» (12). Идеологии – интерпретируют мир, утопии – скорее побуждают к его изменению. В данном контексте возникает вопрос о том, возможна ли вообще идеология, лишенная утопии? Не является ли утопия составной частью всякой идеологии? Вопросы – правомерные для любой идеологии и не связанные с ее конкретным содержанием.

В-третьих, вопрос о функционировании идеологии в обществе. Современная социология наметила два возможных пути принятия идеологии социальной группой. С одной стороны, «идеология принимается группой, поскольку специфические теоретические элементы идеологии соответствуют ее интересам», с другой – «выбор конкретной идеологии не обязательно основывается на внутренне присущих ей теоретических элементах, он может быть случайным». Например, принятие христианства в поздней Римской империи определялось не только содержанием учения, но и социально-политическими условиями эпохи, – тем, что оно хорошо отвечало новым умонастроениям (13). В свою очередь, будучи принята определенным слоем, идеология изменяется в соответствии с интересами, которые она должна обосновывать. В идеологии могут быть и такие элементы, которые не связаны с ее легитимационными функциями. Но они поддерживаются и защищаются как ее интегральная часть. В традиционном обществе социальная роль идеологии может быть (и часто является) разрушительной, поскольку способствует расколу общества на непримиримые и воинственно настроенные группы (идеологии революционных войн). В плюралистическом обществе конфликт идеологий если не исчезает полностью, то снимается за счет признания идеологического многообразия (и его конституционного закрепления), а также смешения идеологий в поисках более широкой социальной базы.

Если в традиционном или тоталитарном обществе единственная государственная идеология является цементирующей силой, а выражения сомнения в ней рассматриваются как преступление и жестко подавляются, то в либеральной демократии конкуренция идеологий и их взаимное обогащение – есть отражение свободы политического выбора индивида.

Цели принятия идеологии и ее функции в обществе могут быть различны – обеспечение солидарности и самоидентичности группы в условиях социального конфликта, поддер-

жание легитимности данного слоя или государства, проведение социальной мобилизации во имя определенных социальных целей (война, революция, реформа). Кибернетическая теория общества, интерпретирующая политику как управление, дает свою интерпретацию идеологии. Идеология – упрощенная картина мира. Она может быть составлена рациональным путем или, напротив, опираться на эмоциональное восприятие мира. Однако в любом случае идеология служит в качестве «карты, с помощью которой мы направляем наше поведение. Идеологии, таким образом, имеют прямое значение для политики, которая стремится управлять поведением» (14). Политика, опирающаяся на идеологию, есть преследование интересов, удовлетворение определенных нужд, ценностей, например, таких как власть, просвещение, богатство, благополучие, искусство, справедливость и проч.

Такая социальная функция идеологии, как легитимация общественного устройства и политической системы сближает ее с религией. В этом ряду теократия, идеократия и идеология выступают как явления одной исторической природы. Данный феномен особенно четко проявляется в теократических (например, исламском фундаментализме) и идеократических (нацистском, коммунистическом) режимах, где единая государственная идеология выполняет мощную консолидирующую функцию в обществе. С точки зрения современной антропологии, идеология есть разновидность тотемизма и истерии, а ее ценность зависит от определенной (чисто мифологической) интерпретации реальности (15). Ключевое отличие идеологий от религии – использование современных понятий (материя, общество, эффективность), но в сущности речь идет о такой же идеализации, мистификации и даже сакрализации некоторых явлений в массовом сознании. Характер подобного воздействия идеологии на общество ведет к вытеснению рациональных представлений фальшивым сознанием и даже квази-религиозным фанатизмом. Религиозные черты идеологии – тотальность (решение всех проблем), телеологизм (устремленность к достижению цели), существование установленных ритуалов, культа (причем в самом конкретном этнологическом смысле) и его проявлений (собираание реликвий, мощей и т. д.). Это объясняет, каким образом «научная» идеология ставит утопические цели, отсылает к священным текстам, официальным канонам, освящает культ личности, оправдывает мумификацию вождей и строительство мавзолеев в египетском стиле. Внутреннее противоречие подобных идеологий состоит одновременно в стремлении к сохранению и продолжению. Подобное совпадение социальных функций идеологии и религии, партии и церкви есть высшее проявление идеологического фетишизма – веры в самостоятельное и абсолютное значение идей в жизни общества. Однако история иллюзий не есть иллюзия истории: подобный тип тоталитарных идеологий действительно определял судьбы миллионов в XX в. (16).

Общепризнанными можно считать, таким образом, следующие наблюдения: 1) идеология есть организация мнений, позиций и ценностей, способ размышлений о человеке и обществе. Данное понятие охватывает всю совокупность идей: взглядов, мнений, лозунгов, особенно относящихся к общественной жизни. Она включает философские, религиозные, экономические, исторические, юридические воззрения, но также утопии, политические и экономические программы; 2) идеологии приобретают в сознании разделяющих их людей автономное существование, причем независимо от степени их познавательной истинности; 3) принятие той или иной идеологии индивидом или социальной группой, необходимое для общей ориентации в социальном пространстве, становится в свою очередь самостоятельным фактором, определяющим их социальное поведение. Воздействие идеологии на общество может быть столь значительным, что приведет к отождествлению социальных функций идеологии и религии в рамках новой идеократии.

Этот анализ основных вех развития теории идеологии показывает, что она далека от единой формулы данного явления. Для целей настоящего исследования мы считаем необходимым предложить новое определение понятия. Под идеологией мы будем понимать особое состояние общественного сознания, при котором устанавливается взаимосвязь трех компо-

нентов, составляющих целостную систему. Это, во-первых, некоторое учение – специальная система идей, особенно по социальным и политическим вопросам, объясняющая состояние мира, общества, существующие конфликты и содержащая в свою очередь историю вопроса, ее объяснение и прогностические рекомендации. Иногда этим пониманием идеологии дело ограничивается, и данное понятие фактически оказывается тождественно религиозной или философской системе, абстрактным спекуляциям, которые могут выводить идеи из чувственного опыта, логических умозаключений или откровения. Во-вторых, это «учение» становится частью идеологии лишь в том случае, если оно не остается уделом одинокого философа, но приобретает в силу определенных причин признание и быстро набирает себе приверженцев – группу сторонников. Отношение между самим учением и его адептами является достаточно тесным, может приобретать характер убеждения и готовности превращения прогностических указаний в некоторые массовые действия. И, наконец, в-третьих, система включает элемент информационных связей между представителями (они же руководители, олицетворяющие учение) и массой сторонников. Эта информационная связь предполагается как постоянно возобновляющаяся и в этом своем качестве она требует определенных организационных усилий.

Отдельные элементы подобных состояний общественного сознания имеют определенные сходства или различия с другими и потому следует разграничить наше определение идеологии от них. С одной стороны, это может быть научное учение, объясняющее те или иные общественные или естественные явления с определенной, прежде всего исторической мерой, их соответствие реальности конфликта. Элементы научных учений могут использоваться в идеологической системе, но различие состоит в том, что наука остается уделом узкого сообщества и по своей природе не требует массовой поддержки, поскольку не предполагает немедленного действия. Наука может существовать вне веры, а идеологии необходимо принятие на веру определенных принципов – например, категорического императива, а утвержденные постулаты разделяются массовым сознанием и стоят вне критики.

Появление тех или иных учений – концепций, претендующих на объяснение конфликтных ситуаций, с одной стороны, и отклик на них массового сознания, с другой существует в историческом процессе издавна, и сама реализация этой связи между ними является важным феноменом. Это явление интересует нас прежде всего потому, что появление идеологий само по себе является внешним признаком глубокого социального конфликта. Данные идеологии мы рассмотрим в период нового и новейшего времени.

Существует давний и нерешенный спор о том, была ли идеология у крестьянских движений и войн эпохи средневековья и нового времени. Откуда возникают эти споры? За основу берется только один из перечисленных трех элементов, например, массовость или наличие вождя и даже, возможно, некоторой программы. Те же проблемы возникают при изучении религиозных движений: можно ли считать их идеологиями (в частности, в них хорошо представлено теоретическое учение). Есть и определенные каналы коммуникаций между вождями и рядовыми участниками (например, прелестные письма, послания). В отдельных случаях возникает некоторый целостный механизм, направленный на достижение цели (например, восстания, имеющего конкретную цель). Они превращаются на короткое время в определенную систему. Очевидно, что, содержа в себе эти важные элементы идеологии в нашем понимании, эти элементы в примитивных социальных движениях спонтанного характера – нестабильны, не существуют длительное время, не получают теоретического осмысления в социально-политических учениях. Они не представляют завершённой идеологической системы. Большей частью они эволюционируют как некое политическое действие вполне конкретного характера. Однако все крупные социальные движения традиционных обществ нового и новейшего времени являлись выражением конфликтов аграрных обществ эпохи их кризиса. Они выражали стремление к самодостаточному развитию государств (в случае конфликтов с папством) или восстановлению утраченной социальной гармонии (в случае обезземеливания крестьян). Примерами могут

служить аграрные движения в Западной Европе или стихийные протестные движения против усиления религиозного диктата государства и закрепощения крестьян (церковный раскол в России). В религиозных идеологиях очень сильно разделение на своих и чужих, правоверных и неверных, друзей и врагов, т. е. наблюдается элемент борьбы за преимущества своей группы.

В условиях глобализации эти стремления сохранить преимущества для своей группы путем противопоставления ее другой видны особенно четко. Элементы прогностические и одновременно конструктивные элементы будущих идеологий можно проследить в различных утопических учениях (преимущественно обращенных в прошлое – в золотой век). Уже Английская революция и последующее развитие представляют определенные элементы идеологий массового сознания (левеллеры, луддиты).

Возможны идеологии открытые и закрытые. Открытые идеологии как открытые системы включают в себя элемент дискуссии, критики, возможность совершенствования самого учения – отсутствие догматизма. Напротив, закрытые идеологии склонны к догматизации. Идеология не тождественна партийной программе, но выражается в ней наиболее четко в условиях политической борьбы. Использование идеологии для конкретных политических целей модифицирует их в направлении упрощения, возникает непререкаемость догматических (священных) положений. Отсутствие обмена информации, которое заменяется управлением из кокуса (М.Я. Острогорский), влечет к превращению идеологии в программу политической организации (17). Главный ее признак состоит в том, что обоснованные положения объявляются немедленной целью и выступают как программа, доступная для массового сознания (заговор, приказ, террор внутри организации, полное отсутствие критики и как следствие – перерождение идеологии в догму, как, например, это видно у народников). Идеологическая доктрина не обязательно является научной с современной точки зрения, однако она должна верно схватывать определенные стороны конфликта, давать им внешне логическое объяснение, быть «понятной» массовому сознанию и быть логичной. Стремясь к расширению круга сторонников, идеологическое учение может эволюционировать в сторону упрощения.

Одни идеологии требуют большой работы от массового сознания (как учение Толстого и Ганди), но эта трудность препятствует их массовости. Если эта идеология уже пошла по пути превращения в политическую программу, то не исключено, что ее положения будут последовательно огрубляться, превращаясь в примитивные лозунги или обещания. Например, одна идеология провозглашает: «в борьбе обрешь ты право свое», а другая прямо обещает каждому: «кто был ничем, тот станет всем». Массовость не однозначна для разных идеологий в силу особенности самих этих идеологий и их послания обществу – одни апеллируют к нравственным ценностям и работе над собой, другие – к примитивному перераспределению ресурсов.

Понятно, что мы говорим о тенденциях, а не о реальных процессах, которые более подвижны. Поэтому существует достаточно много переходных состояний – и в завершенности самих учений, и в том, как они приобретают массовую поддержку, и в том, как функционирует эта связь между сознанием и руководством.

Все три фактора, определяющие становление идеологии в современном смысле, сошлись воедино в новое время, в условиях Французской революции, которая в отличие от предшествующих была не только политической и конституционной, но и социальной.

Социальный конфликт и становление идеологий нового времени: классификация идеологий по отношению к праву. Многие элементы идеологических учений, как было отмечено, прослеживаются в общественной мысли и социальных движениях ранних эпох. Однако свой завершенный вид, позволяющий говорить о явлении в целом, идеологии приобретают в эпоху нового времени. Переход от Средних веков к Новому времени – социальный конфликт, который выходит за пределы регионов и отдельных стран и становится если не мировым, то обще-

европейским явлением. Для понимания генезиса основных, «классических», идеологий современности необходимо проанализировать параметры данного социального конфликта.

Существо кризиса – распад традиционных социальных связей, разрушение традиционной социальной иерархии в ходе становления гражданского общества, а также процессов рационализации и бюрократизации. Важнейшей социальной тенденцией в странах Западной Европы становится переход общества от сословного корпоративизма к буржуазному индивидуализму (объединения индивидов в общества, организации и ассоциации). Процесс декорпорирования общества остро ставит проблему социальной идентичности и поиска массами и элитами новых социальных ориентиров. Фактически данный процесс представляет собой формирование современной демократии и массового общества. Этот процесс характеризовался, с одной стороны, разрушением ранее незыблемых сословных перегородок и соответствовавших им идеологических стереотипов сознания; с другой – феноменом выхода на политическую арену широких слоев населения, ранее стоявшего вне политики, занятие которой являлось привилегией аристократии.

Разрушение устойчивых корпоративных объединений, свойственных феодальному обществу, сопровождалось выходом масс на историческую арену, развитием социальных движений, формированием политических партий. Именно в ходе Французской революции и последующего осмысления социального вопроса (возникающего в связи с кризисом аграрного общества и индустриальной революцией) идет формирование основных идеологий современности – либерализма, консерватизма и социализма). Их вклад в социальную теорию может быть показан в перспективе отношения к основным лозунгам Французской революции, прежде всего – свободы и равенства, лежащих в основе главных концепций демократии. Если идеологи являются продуктом формирующегося гражданского общества, то несомненна и обратная связь: проявление идеологий (в религиозной форме, в форме естественного права или исторического материализма) и острота идеологических споров, раскалывающих общество, являются одними из признаков надвигающихся социальных революций (18).

Процесс появления основных идеологий, следовательно, неотъемлем от процесса становления гражданского общества, основными характерными чертами которого становились: формальное равенство всех перед законом, всеобщее избирательное право, возможность объединения по идеологическим параметрам и участия в проведении своих политических идеалов (через парламенты и партии). Конкурирующие социальные группы начинают противопоставлять друг другу свои идеологии, но идет и обратный процесс – появление особого слоя теоретиков и идеологов, которые сознательно разрабатывают целостные концепции социального развития, претендующие на научность и в то же время понятность широким массам. Данный процесс связан также с возникновением современных партий, разрабатывающих свои политические программы с целью захвата власти, которые вынуждены бороться за привлечение широкой массовой поддержки.

Разрешение этого конфликта великими мыслителями прошлого полагалось в двух основных формах. Один из них исходил из более наивного представления, что общественный порядок так же естественен, как само существование человека. Согласно этому представлению (самым лучшим его представителем является Руссо), он функционирует в человеческом обществе примерно так же, как в мире высших животных функционирует свой «естественный» порядок. Отсюда и возникают представления о так называемом естественном праве («человек рождается свободным», живет в гармонии с природой) и лишь последующее развитие (форм собственности, торговли и проч.) нарушает эту гармонию. Отсюда можно было сделать достаточно простой и внешне логичный вывод о том, что высвобождение от оков цивилизации (с которой в новое время ассоциировались прежде всего капиталистические отношения) поможет вернуть человеческое общество к естественному порядку социальной гармонии. Не все философы эпохи начала Великих перемен разделяли этот взгляд. Наиболее ярко мы видим

это в учении Монтескье, который отстаивал другую позицию, что общество, с его правовыми ограничениями и определенными формами государственного устройства, есть не только и не столько продукт естественного развития человеческих групп, но прежде всего определенный качественно-новый опыт, сконцентрированный и зафиксированный в рамках некоторого общественного договора: права отдельного индивида делегируются единому общественному институту – государству, обеспечивающему гарантию определенной стабильности, защиту, даже распределительные функции в условиях ограниченности ресурсов. Мы видим два великих учения в Англии (Гоббс и Локк), Франции (Руссо и Монтескье), Германии (Гегель и Маркс), которые выявили две эти возможности и фактически создали теоретические основы для формирования мощных идеологических движений нового времени – революционных и реформационных.

Предпосылками формирования идеологий в переходную эпоху становятся разрыв общества и государства; новая инфраструктура самого гражданского общества, способствующая формированию общественного мнения; появление особого слоя, берущего на себя функции осмысления социальных противоречий и предлагающего способы их разрешения. Первая тенденция выражается прежде всего в противопоставлении гражданского общества государству, частного права – публичному, политики – морали, общественных союзов и объединений – бюрократии (19). Вторая тенденция ведет к появлению такой инфраструктуры гражданского общества, для которой характерны разрушение традиционной структуры семьи, сословных отношений, поляризация частной (интимной) и общественной (социальной) сфер жизни, новая система коммуникаций, способствующая формированию «общественного мнения» (сюда следует отнести прессу, клубы, даже кофейни). Важнейшим центром коммуникации между обществом и властью становится парламент, где идет постоянный диалог между представителями общества (политическими партиями) и государственной властью (правительство, администрация) (20). Общественное мнение выступает при переходе к демократии (в условиях классической модели парламентаризма британского типа) как влиятельная сила, а возможность его формирования – как источник реальной власти. Наконец, третья тенденция, особенно важная в контексте данного исследования, выражается в появлении особого общественного слоя, формирующего общественное мнение и занимающегося созданием важнейших компонентов всякой идеологии – разработкой теоретических учений, а иногда также организацией их социальной поддержки. Речь идет об «общественности» (*der Öffentlichkeit*) – социальном слое Европы XIX в., который выступает от имени всего общества, претендует на выражение самых широких интересов и оказывается посредником между обществом и властью. Социальный статус «общественности» (понятие, близкое к французскому пониманию интеллектуалов) определяется новым светским образованием, рациональными нормами поведения и морали, новыми коммуникациями и информационной средой (газеты, публицистика, парламентские дебаты), наконец, появлением политических партий и усилением их роли в парламенте (21). Создание основных моделей идеологического переустройства общества – результат интеллектуальной деятельности данного социального слоя, имевшего средства, досуг и прекрасное образование для осуществления этой задачи. По мере развития демократических институтов, однако, роль «общественности» имеет тенденцию к ослаблению в связи с расширением интеграции общества и государства через непосредственное взаимодействие политических партий и государственной администрации. Другой, противоположной, тенденцией, существенно влияющей на этот процесс и хорошо показанной М.Я. Острогорским, М. Вебером и Р. Михельсом, становится бюрократизация самих общественных союзов и партий и падение роли парламентских дебатов (22). В дальнейшем, на рубеже XIX–XX вв. остро встает дилемма соотношения демократии и эффективности, каналов коммуникаций и политического контроля над ними. В условиях социального конфликта общественность (или интеллигенция) принимает одну из двух концепций развития – революции или реформы.

Как мы уже говорили, идеология наряду с учением должна иметь широкую общественную поддержку: по существу идеология отличается от научного учения тем, что в ней ставится задача реализовать теоретически выведенный идеал на практике и обязательно привлечь для этого широкую группу идеологической поддержки. И здесь становится понятной неравноценность различных теорий для их распространения в массовом сознании. Понятно, что наиболее привлекательными являются те учения, которые волюнтаристски заявляют о торжестве народной воли, ее могуществе для воссоздания нового общества и, соответственно, предполагают одномоментный, быстрый и результативный выход из конфликта. Идея разрушения государства привлекает своей простотой и полной реальностью; идея уравнительности и борьбы со всякого рода привилегиями также весьма привлекательна. На этой почве легко вырастает идея революционного ниспровержения существующего порядка (и права), недостатки которого (в отличие от достоинств) вполне очевидны и могут быть продемонстрированы наглядно. Так возникают предпосылки для создания мощных идеологических движений новейшего времени. Потеря широкими массами необходимого уровня социальной защищенности, утрата единой картины мира и социальная дезориентация имеют следствием кризис социальной идентичности, который Маркс определял как «отчуждение», Дюркгейм – как «аномию» (23). Возникает феномен, удачно названный Э. Фроммом бегством от свободы – стремление восстановить привычную и простую картину мира в рамках новой мобилизационной идеологии (24). Идет поиск новых психологических эквивалентов утраченных культурных, политических религиозных связей, на которых основывался старый социальный порядок. Протестный потенциал массового сознания при любой конфликтной ситуации вновь возвращает все те же элементы общественных учений, которые были основаны на отрицании собственности, разрушении государства, на идеалах деревенской идиллии естественного существования и т. д. По мере того, как те или иные конфликтные ситуации оказываются осознанными новыми группами населения планеты, становится возможным наблюдать воспроизведение все тех же антиправовых, антигосударственных, антикультурных тенденций, давно превратившихся в лозунги. Характерным признаком таких мобилизационных идеологий и используемых ими технологий является противопоставление адептов своей группы (для которых предполагается достижение идеального будущего) всем остальным (по национальному, религиозному, культурному, гендерному, профессиональному и любому другому критериям).

Формирование жестких мобилизационных идеологий возможно отнюдь не во всякую эпоху и требует известных социальных предпосылок. Современная социология революции объясняет причины появления таких идеологий на пике революционных изменений. Между традиционным и рациональным обществом всегда существует переходная стадия утраты доминирующих систем социальной иерархии, контроля и самоконтроля (феномен «потери хозяина»). Новые правила и нормы социального поведения уже перестали быть исключением, но еще не стали укорененными (рутинизированными). Так возникает объективная тенденция к формированию авторитарных доктрин, выражающих потребность широких социальных слоев в интеграции, жесткой самодисциплине и поиске своего рода идеологической «смирительной рубашки». Особенность этих идеологических доктрин – подавление индивидуальной свободы во имя некоего высшего идеала. Для всех конкретных исторических проявлений подобных идеологий в разных странах характерны три содержательных компонента: жесткое неприятие традиционного мира и доминирующих в нем образцов социальных отношений; глубокое недоверие к человеческой природе и опасение грядущего социального хаоса; и, наконец, стремление набросить на шею человечества ярмо новой абстрактной политической дисциплины. Она должна иметь добровольный характер, который вытекает из сознательного принятия индивидом данной идеологии, однако в случае его отказа от этого должна быть внедрена в общество путем репрессий. Очевидно, что либеральная идеология плохо подходила для осуществления этой насильственной перестройки общества, поскольку изначально не содержала представле-

ния о греховности и порочности человека и необходимости, в силу этого, его перевоспитания государством, основанного прежде всего на абстрактных идеологических постулатах и жестких религиозных (или квази-религиозных) моральных нормах и дисциплине. Напротив, именно эти признаки характерны для основных революционных доктрин – кальвинистов и английских пуритан XVI–XVII вв., с их верой в божественное предопределение; французских якобинцев XVIII в. с их представлениями об абстрактных и вечных законах разума, русских большевиков XX в. с их верой в постулаты исторического материализма и неизбежной победы коммунизма, наконец, современных исламских фундаменталистов, воззрения которых имеют много общего со всеми предшествующими попытками религиозного обоснования революции. Появление подобных экстремистских течений, идеологию которых один автор определил как «революционную святость», – само по себе является выражением кризиса старого общества. Оно отражает стремление наиболее оппозиционной его части (религиозных и политических диссидентов) объединиться вне пределов традиционной социальной иерархии; разработать новые системы контроля и ценностных ориентаций (например, известная протестантская аскеза, которую Вебер считал выражением стремления к капиталистической рационализации, гражданская религия якобинцев или моральный кодекс строителей коммунизма у большевиков); разделить мир на приверженцев и противников своей идеологии и, наконец, фанатически строить грядущее царство добродетели. Именно для этих идеологий социальная утопия является неотъемлемым компонентом, а их реализация на практике неизбежно приводила к резкому усилению бюрократического контроля в обществе (25). Формирование идеологий, таким образом, идет параллельно становлению новой революционной легитимности. Создание идеологических моделей (или «мифов») есть результат творческой фантазии идеологов – теологов, философов или литераторов. Однако их принятие социальными движениями и тем более осуществление на их основе определенной программы социальных преобразований есть дело «профессиональных революционеров», осуществляющих стратегическое планирование, а также текущий «учет и контроль» социальной реальности. Это означает, что в создании всякой мобилизационной идеологии существенное значение отводится двум социальным категориям – философам, задачей которых является производство идеологических мифов (которые могут быть многообразны и конкурировать между собой на рынке идеологической продукции), и политическим практикам – революционным демагогам, агитаторам, а позднее новым администраторам. Очень редко в истории эти два подхода к идеологии совмещаются в одной социальной группе или даже одном лице – революционном «философе на троне», поскольку объективно их задачи различны и на определенном этапе вступают в конфликт. Данный феномен четко прослеживается в ходе крупнейших революций, являющихся если не «локомотивами истории», то, во всяком случае, безусловно, «локомотивами идеологий». Все они начинаются с острой критики действительности во имя некоторого абстрактного идеала. Направления этой критики, значение философов и литераторов хорошо показано энциклопедистами (26). Существование этого идеала (или социальной утопии) определяется не его содержательной стороной, но тем обстоятельством, что он принимается общественным сознанием как аксиома. Данный процесс отражен в литературе о Французской революции, но прослеживается во всех крупных революциях вплоть до настоящего времени. О самостоятельной роли идеологии и идеологов (литераторов) в подготовке революционного кризиса писал еще А. Токвиль в книге «Старый порядок и революция» (27). В дальнейшем, консервативные критики революции обратили внимание на такое необычное явление, как «философизм» общественной мысли – резкий рост интереса к абстрактным философским принципам, которые усваивались в крайне упрощенной форме.

Идеологические модели общественного устройства. Разные идеологии предлагают свои модели решения проблемы отчуждения: социализм – революционный миф классовой солидарности; национализм – миф возврата к истокам (язык, почва, реальные или вымышленные исто-

рические воспоминания). Обе идеологии обладают, как показала история XX в., очень большой убедительностью для примитивного массового сознания, особенно будучи слиты в одно целое (национальный социализм). В поисках массовой социальной базы наибольшим успехом пользуются именно те идеологии, которые предлагают простые, понятные и быстрые решения сложных социальных проблем. Эти социальные тенденции объясняют, во-первых, общий рост значения социальной теории и идеологий начиная с XIX в.; во-вторых, плюрализм идеологий и социальных прогнозов (либеральные, социалистические, технократические, консервативные), которые отражают интересы определенной части социального спектра; наконец, в-третьих, утопический характер большинства социальных идеалов. Некоторые из них – отброшены и забыты, другие дошли до современности в модифицированной форме. Они нашли себя в стремящихся представлять все общество политических и социальных движениях и программах с их идеями и идеологиями (либерализма, консерватизма и социализма, национализма).

Мощным фактором для развития идеологий в современном смысле слова явилась не только Французская революция, но и реакция на нее различных сил, в том числе в ходе социальных кризисов последующего времени. Поскольку, во-первых, исторический опыт позволил мыслителям создавать учения, осмысливающие конфликтные ситуации (например, либерализм), показав опасность реализации примитивного участия масс в социальных конфликтах. Политические мыслители ряда стран (Германии) работают затем активно над поиском мирной реформационной альтернативы, что ведет к появлению политической теории классической немецкой философии. Во-вторых, независимо создавался потенциал массового недовольства, и появились идеи использовать массы как политическую силу. Использование этого потенциала привело к появлению первых партий и программ. Их идеологический компонент был направлен на политические цели. В связи с этим к концу XIX в. появляется особая тема внесения идеологий в массы особыми партийными инструкторами для достижения непосредственных быстрых и радикальных изменений (движение народников в крестьянство, кружки и создание рабочих организаций).

Об устойчивости основных идеологических стереотипов говорит факт их повторяемости. В качестве аргумента против известного тезиса о конце идеологий можно привести следующий: современные споры о Французской революции, имевшие место в ходе ее 200-летнего юбилея.

Целесообразно сконструировать идеальные типы основных идеологий. Согласно моделям предлагаемого ими общественного устройства можно выделить несколько типов. Учение в составе модели идеологии представляется нам системообразующей компонентой (наряду с массовой базой и связью ее с вождями). В свою очередь учения мы различаем по признаку, имеющему прямое отношение к реальности, какой ее видит и объясняет данное учение, к способам, какие вожди и теоретики предлагают для достижения цели и что немаловажно – к системе отношений между приверженцами данной идеологии. Таким определяющим признаком мы будем считать отношение к праву. По отношению к праву все идеологии четко выражают свою позицию и потому само это отношение к праву служит индикатором для их анализа. Данный критерий представляется важным и в то же время недостаточно разработанным. Разумеется, внутри анализа каждой из идеологий (а каждая значительная идеология имеет, как известно, громадную литературу) обязательно возникает вопрос об отношении к праву в той или иной степени. Это объясняется тем, что отношение к позитивному праву как раз и выражает идеологическую позицию в отношении существующих структур и институтов общества. Это отношение может быть даже сведено к лозунгу (новое «пролетарское право»; «не имеее права», «борьба за право», «в борьбе обретешь ты право свое», «правое дело» и проч.). Внутри учения вопрос о праве анализируется вождями, воспринимается приверженцами и реализуется в практике движения (даже когда речь идет об отрицании права вообще или конкретного права, нравственных нормах). Но мы говорим не об анализе правовой позиции конкретной

идеологии. В данном случае достаточно выдвинуть такой критерий, как классификационный признак.

При таком подходе мы можем сгруппировать весьма разнообразные по ряду параметров идеологии по этому решающему признаку в три группы. К первой категории относятся идеологии, высшей ценностью которых является отстаивание прав личности; ко второй – идеологии, считающие возможным теоретический отказ от права или нарушение прав личности во имя достижения каких-либо иных общественных ценностей. Соответственно провозглашается некоторая высшая цель, для достижения которой права личности или отдельных групп полностью игнорируются (или приобретают несущественный характер). Наконец, существует третья модификация данной ситуации – она характеризуется теоретическим признанием и даже декларированием ценности права, однако отказом от него в повседневной практике путем перенесения этого правового идеала в будущее, манипулирование административными рычагами в условиях переходных периодов (идеал верховенства права заменяется идеалом диктатуры закона). Данная ситуация определена нами на материале конституционализма – как реальный, номинальный и мнимый конституционализм.

Особый вариант представляет собой явление переходных обществ. Это связано с тем, что правовое государство, гражданское общество уже выступают в качестве общепризнанной ценности, с ними связывается представление о стабильных демократиях с их высоким уровнем развития. Этот высокий уровень делает их привлекательными для массового сознания стран догоняющего развития. И поскольку в имеющихся представлениях этот высокий уровень как раз и связан с демократическими достижениями, то правовая направленность охотно декларируется многими режимами. В то же время в реальном развитии, требующем жестких административных мер (для ускорения желательных изменений), происходит некоторая подмена понятия права (в широком смысле, включающем естественное право и основанное на нем правосознание общества) понятием закона (т. е. фактически позитивного, существующего реально комплекса правовых норм, фиксированных в законодательстве, которые не обязательно соответствуют демократическому идеалу), возникают «подзаконные акты», расширяется сфера «усмотрения» администрации или возникает такое противоречивое, но чрезвычайно распространенное понятие, как «телефонное право». Это отражает элемент неустойчивости, мнимости, который возникает при переходе от номинального права к реальному, но включает противоречия и внутреннюю конфликтность, ведущую к появлению некоторых переходных, гибридных и смешанных форм (28). Все эти трактовки права и правовых систем, которые мы определили как реальные, номинальные и мнимые, связаны с функционированием в обществе различных политико-правовых идеологий – демократических, тоталитарных и авторитарных. Такие понятия, как «правовой нигилизм», возрождение естественного права в теории, конфликт естественного и позитивного права, вопрос о «метаправе», соотношение правовых представлений обычного права и писаного права находят свое выражение и в идеологиях, иногда в очень причудливых формах.

Общество нового и новейшего времени представляет картину расколотого зеркала, отдельные фрагменты которого отражают только одну сторону социальной реальности. Этот раскол, начало которого связано, как известно, с Французской революцией и становлением демократии, а затем и другими крупнейшими революциями XX в., нашел выражение в классических идеологиях, предлагавших свой способ решения конфликта (29). Основные идеологии в их классической форме представляют целостные модели общественного переустройства. Далее мы последовательно рассмотрим их по таким параметрам, как отношение к революционным социальным изменениям; концепция выхода из кризиса; идеальная модель общественного и политико-правового устройства, тенденции воздействия на общество. Наряду с классическими идеологиями, сформировавшимися в XIX в. (консерватизм, либерализм, социализм, анархизм и национализм), мы рассмотрим также идеологии (и идеологические мута-

ции) новейшего времени, связанные с процессами глобализации, информатизации и модернизации, с одной стороны, и ретрадиционализации, с другой.

2. Консерватизм: сохранение действующего права во имя верности традиционным ценностям

Классический консерватизм может быть понят как реакция на рационализм Просвещения и связанную с ним практику радикального переустройства общества, в результате которой была разрушена традиционная система Старого порядка (абсолютизма, привилегий аристократии и духовенства). Характерными чертами данной идеологии в целом признаются полное неприятие революционных социальных изменений, ломки социального строя; историзм, отрицание рационалистической философии Просвещения, критика Французской революции и революционного сознания вообще, пессимизм. Во всяком случае, эти идеи оказались общими для всех крупнейших теоретиков консерватизма (30). Само понятие консерватизма было введено Шатобрианом, издававшим журнал – «Le Conservateur» (1818– 1820), что определило название всего течения. Его главная формула была предложена Э. Берком – «сохранение и улучшение». Поэтому консерватизм полностью отрицает лозунг Французской революции – «свобода, равенство, братство».

Идеология консерватизма несколько раз появлялась в Европе в разных обликах как реакция на революционные потрясения и обосновывавшие их идеологии. Впервые и наиболее четко – как реакция на якобинскую диктатуру и террор в период реставрации начала XIX в., затем – как попытка преодолеть радикальное социалистическое решение социального вопроса к концу этого века, далее – как реакция на русскую революцию в межвоенной Европе, наконец, после Второй мировой войны – как обоснование отказа от марксистской советской модели переустройства мира. Сейчас консерватизм вновь актуализировался в условиях глобализации, причем сочетается с национализмом и другими неоконсервативными доктринами (христианской демократии и проч.). Эта филиация идей позволяет говорить о консерватизме как особой модели общественного устройства, которая, при всем различии конкретных проявлений имеет постоянно одну цель – «сохранение и изменение» общества.

Первая фаза его датируется 1789–1848 гг. Консерватизм опирался на феодальную аристократию, церковь и связанные с государством социальные слои. Старомодный консерватизм отстаивал привилегии сословий, цехов и местные свободы. Исходя из романтической идеализации дореволюционных порядков, представления о допустимости социальных изменений лишь эволюционным путем, классические консерваторы (Э. Берк, Ф. Шатобриан, Ж. де Местр, Л. Бональд, Донозо Кортес, Ф.К. Савиньи и другие мыслители исторической школы права в Германии) выступали с критикой идей просветителей о разумности человеческой природы, возможности преобразования общества по плану, преодоления социального неравенства, установления общественного договора и Основные параметры классического консервативного мировоззрения могут быть четко представлены как антитеза основным принципам идеологии просветителей: консервативная мысль исторична (отрицание чисто рационального подхода к обществу в стиле Просвещения), конкретна (отрицание абстрактных логических формул рационалистической трактовки естественного права), иерархична (тезису о всевластии народа – народному суверенитету противопоставляется тезис о сословиях и монархическом принципе – монархическом суверенитете); религиозна (критика отступления от религии и разрушения церкви как важнейшего консолидирующего социального института); скептична в отношении модернизации и европеизации (как попытки перенести в неподготовленную социальную среду рациональные конструкции, выработанные чуждой социальной средой).

Какая модель общественного и правового устройства вытекает из этих идеологических постулатов? Как классический, так и современный консерватизм характеризуется, прежде всего, отрицанием возможности рационального объяснения и переустройства мира – идеи, центральной для всего Просвещения и деятелей Французской революции, а также всего после-

дующего социализма. Консерваторами отвергается сама возможность научной социологической теории, способной открыть вечные и неизменные законы развития общества, которые могут быть познаны людьми и использованы для планомерных преобразований общества. Тем самым ставились под сомнение возможности науки об обществе – в виде рациональных формул просветителей, позитивизма, исторического материализма или современной социологии. Консервативная мысль действительно выявила слабое место построений Просвещения: представление о возможности отыскать в развитии общества законы, аналогичные законам, открытым естественными науками. Открытие таких законов представлялось достаточно простым делом и приводило к мысли о возможности целенаправленного изменения общества в соответствии с ними. Эта идея, сводившая общество к органическому феномену, оказывалась чрезвычайно опасной именно в силу своей упрощенности и механистичности. Ошибка просветителей и их последователей – радикальных идеологов различной направленности заключалась, как стало сейчас ясно, в простом перенесении научных методов, взятых из естественных наук (которые с их помощью добились в короткое время революционных достижений), в социальные отношения, где они не могли действовать адекватным образом. Просветители в социальных науках повторили путь средневековых алхимиков, которые верили, что с помощью знания алхимии они могут открыть философский камень, формулу золота или эликсир вечной жизни. Просветители подобным же образом полагали, что с помощью рациональных методов социального познания общество может достичь социальной гармонии – золотого века. Консерваторы показали, что открытие таких законов невозможно как в силу чрезвычайной сложности общества, так и в силу самой мыслительной свободы человека, способного творчески развивать общество и делать выводы из ошибок прошлого (именно эта идея положена в основу критики исторического материализма К. Поппером в его «Нищете историцизма») (31). Тот факт, что в обществе действуют некоторые тенденции и что они проявили себя достаточно четко в прошлом, вовсе не означает, что они будут столь же непреклонно действовать в настоящем и тем более в будущем. Если они открыты и даже сформулированы в виде научных обобщений, то это значит, что их можно если не отменить, то во всяком случае изменить, направив в другое русло. Таким образом, был нанесен удар по фатализму рационалистической философии и модификациям ее положений в социологических концепциях последующего времени. Общество вообще – не намеренно сконструированное, искусственное образование, основанное на заключении общественного договора, предусматривающего интересы и обязанности сторон, но исторически естественно сформировавшееся образование со всеми присущими ему противоречиями.

Идеальная модель общественного устройства – та, которая сложилась исторически и необходимые изменения в которой происходят эволюционным и стихийным путем. Из этого вытекает другой важнейший вывод: социальные отношения должны строиться не на основании абстрактных логических формул, но на основании конкретного исторического анализа ситуации. Под логическими конструкциями консерваторы понимают прежде всего выводы революционных идеологов – радикальную трактовку естественного права, общественного договора, народного суверенитета, но прежде всего – саму концепцию личности. В рамках консервативной мысли были фактически сформулированы начала новой антропологической концепции, в основу которой положена не рациональная модель человеческого поведения, а анализ человеческой природы в реальной исторической ситуации. Особенно важно то, что консерватизм оставляет открытым вопрос об изначальной природе человека, более того, смотрит на нее весьма скептически (что, в сущности, вытекает из религиозного представления о слабости и греховности человеческой природы). Если Руссо и другие Просветители (а за ними многочисленные адепты социализма и анархизма) противопоставляли совершенного человека и несовершенное общественное устройство, то консерваторы, прежде всего де Местр, напротив, подчеркивают изначальную зависимость человека (от природы, родителей, культурно-истори-

ческой среды), его агрессивность (присущую прежде всего дикарям, находящимся вне цивилизации), наконец, умеряющую и цивилизующую роль общества, таких его институтов, как государство, церковь, семья (что позднее было определено как «дрессирующая роль права» социологами школы Э. Дюркгейма).

В этом отношении наиболее характерна полемика с главным тезисом Ж.Ж. Руссо, заимствованным затем социалистическими и коммунистическими доктринами – «человек рожден быть свободным, но повсюду он в цепях» (32). Идеалу доброго дикаря и абстрактным философским формулам о свободе, равенстве и братстве, консерватизм противопоставил трезвый исторический и антропологический анализ. Этот анализ показывал, вопреки Руссо, что там, где человек живет и развивается вне общества, он оказывается несвободен, слаб и агрессивен. Необходимы поэтому сдерживающие оковы цивилизации – прежде всего религиозное чувство, вера, но также традиция, иерархия, власть.

Отсюда совершенно другая проекция решения вопроса о свободе: нельзя освободить человека извне более, чем он свободен внутри. Если предоставить внешнюю свободу бывшим рабам, это приведет не к социальной гармонии и справедливости, а к социальному хаосу, проявлению худших инстинктов толпы и, как следствие, установлению жестокой диктатуры. Опыт такой диктатуры, появившейся в результате стремления к свободе и разрушения общества, давала Французская революция, циклически приведшая к наполеоновской диктатуре, затем русская революция, закончившаяся установлением большевистской диктатуры, наконец, появление фашистских и иных авторитарных режимов, явившихся следствием растущего социального хаоса и попыткой преодолеть его. Во всех случаях консерватизм противопоставлял социальной катастрофе: власти толпы, фанатизму вождей и массовому террору – возврат к традиционным религиозным ценностям, умеренность и скептицизм в отношении модернизации. Все это заставило консерваторов выступить с системной критикой философии просветителей, а также политических выводов из нее – универсальных (абстрактных, философских) принципов рационализма, индивидуализма, либерализма, а также их конституционного выражения (33).

Важной особенностью консерватизма является исторический пессимизм, отсутствие веры в прогресс, скептическое отношение к модернизации. Эта идеология имеет, таким образом, ретроспективную ориентацию, ее идеал принадлежит прошлому, а не будущему.

В своей критике Французской революции англичанин Эдмунд Берк разработал некоторые основные положения консервативной мысли. Книга Берка «Размышления о революции во Франции» – не академический труд отстраненного наблюдателя, но страстный памфлет, написанный современником и убежденным противником революции. Книга вызвала острую ненависть во Франции (как явствует из газетных откликов на нее) и огромную популярность в Англии. Сторонники считали книгу замечательной, противники – объявляли автора сумасшедшим и сравнивали его с Дон-Кихотом. В прессе недоумевали, почему Берк, являвшийся ранее сторонником независимости Америки, стал противником революции во Франции. Сочинение Берка, утверждают современные комментаторы и исследователи его творчества, должно интерпретироваться скорее в контексте английской, чем французской политической традиции: оно имело определенный смысл для английского общества в период подготовки там юбилея Славной революции 1688 г. «Размышления» Берка были ответом тем радикальным деятелям партии Виггов, которые склонялись к поддержке революционной Франции (34). В то же время Берк не стал бы одним из основателей и виднейших представителей идеологии консерватизма, если бы его сочинение не выходило за рамки текущих политических споров в Великобритании. По существу он, внимательно наблюдая за развитием событий, поддерживая тесные контакты с французским духовенством, чиновниками и эмигрантами, изучая прессу, создал ту концепцию революции, элементы которой можно найти позднее у консервативных и либеральных мыслителей разных стран – от М. Унамуно и Н. Бердяева до А. Солженицына (35).

Прежде всего, революция выступает как цивилизационная катастрофа, разрушившая естественное или органическое развитие общества во имя абстрактной идеи. Даже безотносительно к содержанию этой идеи, коренной порок всякой революции заключается в том, что она жертвует вечными ценностями общества во имя простых решений, кажущихся привлекательными примитивному массовому сознанию. Однако простые модели – это ловушки, поскольку они отражают только одну сторону проблемы. Мечтательность Руссо плохо обернулась на практике. Если бы этот философ был жив, полагает Берк, он оказался бы шокирован практикой своих учеников. Простых конституций не может быть, а организованные на их основе правительства – фундаментально неэффективны. Лучше сохранять известную неопределенность ситуации, чем менять ее с помощью простых решений, которые игнорируют целые пласты социальной реальности.

В центре консервативной критики революционного сознания – механистическая концепция общества и вера в возможность его изменения с помощью рационального применения насилия. Фундаментальные институты общества, сложившиеся исторически, не должны быть разрушены ни при каких обстоятельствах: права собственности, положение и привилегии знати, роль духовенства, а главное – сложившаяся система нравственных устоев и ценностей. К числу негативных проявлений революции относятся – разрушение монастырей как культурных центров человечества (где культивировались традиции, хранились книги и т. д.), отмена существующего административного деления (отражающего традиционные исторические границы регионов) в пользу геометрического деления, которое, давая формальное равенство территориальным единицам и индивидам, закрепляет их фактическое неравенство (ибо неравны исходные условия формирования); дестабилизация экономической системы в результате непродуманных мер революционного правительства, ведущих к разорению землевладельцев, спекуляциям ценными бумагами и землей, появлению новой финансовой олигархии; неэффективность таких институтов, как система представительства, цензовые выборы и разделение властей, ведущее к росту произвола в каждой из них (законодательной, исполнительной и особенно судебной) по сравнению с монархией.

Проблема законодательной власти оказалась в центре внимания в связи с анализом революционного законодательства. Вопрос о том, в какой мере законы должны соответствовать принципам разума или естественного права, подробно обсуждавшийся просветителями, поставлен Берком в совершенно иной плоскости: какая социальная группа является законодателем и в какой степени она выражает национальные интересы. Если для теоретиков революции ответ на этот вопрос вытекал из принципов общей воли и народного суверенитета, т. е. решался на уровне идеологических абстракций, то Берк подходит к нему гораздо более прагматически, он анализирует состав конституирующей власти вполне в стиле современного социолога. Он констатировал, что в составе Конституционной ассамблеи преобладают не известные юристы, судьи и университетские профессора, а провинциальные адвокаты и клерки, которым революция открыла уникальную возможность достичь карьеры и богатства. Данный состав Конституанты не только не выражает народной воли, но, напротив, имеет вполне определенный корыстный интерес: он отнюдь не заинтересован в сохранении стабильности существующего строя, но, напротив, в его революционной дестабилизации. «Это было неизбежно; это было необходимо; это коренилось в природе вещей. Они должны примкнуть (если их способности не позволят им руководить) к любому проекту, который мог бы обеспечить им сомнительную конституцию (*litigious constitution*), способную открыть для них те бесчисленные доходные предприятия, которые сопутствуют всем великим потрясениям и революциям в государстве и особенно всем великим и насильственным переменам собственности» (36).

Из этого анализа следовал вывод об обреченности революции, не способной достичь провозглашенных целей и пасть под бременем неразрешимых проблем. На руинах страны, писал он, процветает кучка людей, не способных (в силу своего происхождения, способностей и обра-

зования) представлять ее и управлять ею. Нелепая идея демократизации армии (слияния ее с народом) может привести к тому, что армия станет вершителем судеб народа, к военной диктатуре. Революция сменится своей противоположностью – тиранией. Данный процесс неизбежно завершится появлением человека типа Кромвеля, «недостатки которого искупались его достоинствами».

Во Франции консервативное мировоззрение выступило наиболее последовательно в эпоху Реставрации и было представлено прежде всего идеями Жозефа де Местра, Луи де Бональда и Шатобриана, по существу создавшими консерватизм как европейскую идеологию. Они дали философскую критику радикализма, показали неизбежность циклического характера революции, дали теоретическое и политическое обоснование контрреволюции и восстановления монархии.

Центральное место принадлежит здесь книге де Местра «Размышления о Франции» (1797), где он показывает, с одной стороны, спонтанность и непредсказуемость революционного процесса, с другой, констатирует его внутреннюю логику, не подвластную априорным рациональным схемам. Те, кто устанавливал республику во Франции, делали это отнюдь не путем реализации заранее составленного проекта. Напротив, они подчинялись мощному велению событий, превращавших их в игрушку революционной стихии. Более того, они не знали и не желали тех следствий революции, к которым были подведены роковым стечением обстоятельств и жертвами которых стали сами. Именно так возник режим террора, показавший внутреннюю несостоятельность основных принципов революции. Нельзя дать свободу нации, – полемизирует он с просветителями, – если она еще не выработала ее самостоятельно. Влияние людей не простирается за пределы существующих прав. Если разрушить эти правовые рамки, пусть несовершенные или поколебленные, нация теряет то, что имеет, не приобретая ничего взамен. Поэтому конституция не может быть создана абстрактным и сугубо рациональным путем. Ошибка философов-просветителей в том, что они полагали, будто ассамблея может конституировать нацию, а конституция, как собрание фундаментальных законов нации, может быть сконструирована и переделана механическим способом, подобно ремесленным изделиям. Он высмеивает мнение, будто можно просто выучиться ремеслу изготовления конституций (*métier de constituant*) и делать правительства на заказ. Восстановление монархии выступает как объективный процесс тех изменений, которые характеризовали различные фазы революционного цикла.

Сила де Местра – в способности предвидеть и даже предсказать события Реставрации. Революция привела к разрушению человеческого рода, доказав неизбежность войн и кровопролитий («*la destruction violente de l'espèce humaine*»). Столь же спонтанным процессом как революция оказывается контрреволюция, поскольку реакция должна соответствовать силе и продолжительности акции. В целом Франция и революция стали инструментами Провидения: преследуя католических священников и обеспечив их массовую эмиграцию в протестантские страны, революция способствовала распространению католицизма (37).

Ядром политической теории консерваторов является обоснование традиционной социальной иерархии, власти и веры. Для того чтобы обосновать этот тезис в постреволюционную эпоху, недостаточно было просто отвергнуть аргументы противников. Необходимо было найти такое оригинальное теоретическое обоснование консервативных ценностей, которое стало бы оружием как против якобинцев, так и против последующих революционных идеологий – социализма и коммунизма, даже – радикального либерализма. Эта теоретическая проблема была успешно решена с помощью имманентной критики теории общественного договора: существовал ли где-либо в истории такой договор; возможно ли провести разделение между обществом и государством в период их возникновения; каким образом доктрина народного суверенитета может быть реализована на практике? Эти вопросы де Местр поставил в 1794–1795 гг. в труде с характерным названием – «*De la Souveraineté du peuple. Un anti-contrat social*». Именно кон-

серваторы убедительно раскрыли противоречие между теорией непосредственной демократии (как единственно возможной концепции реализации народного суверенитета) и концепцией представительной демократии – делегирования воли нации ее представителям. Эта концепция делегированного выражения воли нации ее представителями фактически исключает народный суверенитет и ведет к обособлению и правовому закреплению особой касты народных избранников. Так, по существу, воспроизводится сам иерархический принцип. Однако если народ (вопреки Руссо) может быть представлен кем-либо кроме самого себя, то почему этим представителем не должен быть монарх? Наиболее естественным сувереном, как показывает история, является не народ, а монарх. Монархия – это «централизованная аристократия» (38).

Другой представитель консервативного направления – Луи де Бональд – пошел еще дальше в критике народного представительства, считая, что именно оно узурпировало подлинную народную волю. Анатомия этого процесса определяется как фактический государственный переворот, в результате которого третье сословие, противопоставив себя двум другим (духовенству и дворянству) в Конституционной ассамблее, фактически узурпировало волю нации. Он дает интересную интерпретацию соотношения общей и частной воли. Общая воля представлена публичной властью – до революции властью монарха, имевшей публичный характер. С уничтожением этой публичной власти исчезла единая сила, цементирующая общество. В результате этого переворота национальная воля оказалась подмененной интересами сословий, два из которых отстаивали возврат к общей воле, в то время как одно (третье сословие) – стремилось захватить власть себе и использовать ее в своих частных интересах. Политический переворот открыл путь к переделу власти и собственности, большая часть которой находилась в руках государства или отстраненных привилегированных сословий. Необходимо повернуть ситуацию вспять. Бог (а не народ) является первоисточником власти. Социальный порядок основан на иерархии таких институтов, как семья, государство и церковь. В конституированном обществе общая воля представлена сувереном. Монархия выступает единственным легитимным правлением (39).

Важным выводом учения консерваторов, имевшим практическое значение, стала концепция легитимности и легитимного правления. Она вытекает из всей традиции католической политической мысли, восходящей к римскому праву, и имеет большое значение для анализа политических и конституционных кризисов в современной политологии. Политические законы должны являться следствием фундаментальных законов, отношений, вытекающих из природы общества. В конституированном обществе подобные отношения являются необходимыми: они предполагают иерархию и распределение власти, ее легитимацию. Задача законодателя в том, чтобы найти их адекватное выражение, но не создавать их заново или переделывать. Однако именно это произошло в ходе революции. Контрреволюция, следовательно, объективно призвана к восстановлению попорченных фундаментальных законов и основанного на них легитимного правления.

Если де Местр и Бональд выступают последовательными противниками либеральной философии, то Шатобриан очень близко подходит к ней. Ему принадлежит заслуга теоретического обоснования той политической и конституционной системы, которая реализовалась во Франции в период Реставрации. Как и для Берка, революция для него – объективный процесс, а не результат исторической случайности, например, масонского заговора (как считали многие в эмигрантских кругах). На страницах «Консерватора», а затем в исторических этюдах Шатобриан, как позднее Токвиль, утверждал: революция в значительной степени стала порождением монархии и поэтому на ней лежит отпечаток авторитаризма и централизма. Главная общественная ценность – не древность институтов, но свобода, которой в истории угрожают два вида абсолютизма – абсолютизм старого порядка и абсолютизм национального суверенитета. Отрицая первый (священное право монархов), Шатобриан (подобно Гизо и Руайе-Коллару) выступал против полного возвращения к дореволюционным порядкам, отрицая второй –

против утопических принципов революции. Между двумя традиционными видами суверенитета – монарха и народа – он усматривает третий – суверенитет мнения – силу общественности (пресса, брошюры, дискуссии). Общественное мнение – «социальное электричество» – признается реальной силой: через сформированное на выборах парламентское большинство оно влияет на назначение правительства. Данный новый фактор социального развития позволяет реализовать консервативную модель политического устройства, которая является оптимальной с точки зрения эволюции и просвещения. Шатобриан неоднократно пытался обосновать эту модель, видя в ней компромисс между революционным разрывом и преемственностью, деспотизмом и свободой, монархией и республикой. В своих мемуарах он подробно останавливается на всех попытках такого рода в течение многих революций, свидетелем и участником которых он был – от штурма Бастилии до июльской революции 1830 г.

Некоторые выводы Шатобриана выглядят очень современно и заслуживают быть приведенными. Прежде всего, революции для него – это феномен социальной психологии эпохи, который должен поэтому получить психологическое осмысление. У времени – две власти: одной рукой оно рушит, другой созидает. Это выражается в резких колебаниях общественных настроений, быстрой смене исторических эпох. Революция во Франции предстает в трех частях, между которыми нет ничего общего – Республика, Империя, Реставрация. Каждый из этих режимов радикально отрицал предыдущий и имел свое особое основание: первый основывался на равенстве, второй – на силе, третий – на свободе. Смена этих принципов в общественном мнении выражает цикличность революционного процесса.

Шатобриана интересует феномен возникновения «плебейской тирании» из революции, который, как он считал, едва ли может повториться в истории. Вольности и свободы, провозглашенные революцией в 1789 г., «эти немислимые и безнравственные свободы, воцаряющиеся, когда порядок уже начал рушиться, но анархия еще не наступила», были затем постепенно упразднены «по воле народа». Республиканский режим представлял собой парадоксальный «физический порядок, рожденный нравственным беспорядком, единство, созданное правлением толпы, эшафот, заменивший закон и действующий во имя человечества». Кульминация революции, «плебейская тирания» – это «тирания плодovitая и полная надежд, но гораздо более страшная, чем дряхлый деспотизм древней королевской власти: ибо народ, ставший государем, вездесущ, и если он превращается в тирана, то вездесущ и этот тиран – всемирный Тиберий со всемирной властью».

Периоды революционных выступлений против власти оказываются кратковременными и быстро уступают место социальной усталости и покою, когда успехи новой власти примиряют с ней. Эта смена настроений едва ли управляется какими-либо рациональными или логическими доводами, но скорее – темными разрушительными инстинктами масс, мифами и ловкостью демагогов. Так, народ никогда бы не ворвался в Бастилию, если бы ее ворота не отперли, сопротивления восстанию никто не оказывал, а возникшие позднее картины штурма – не более чем миф. Успех у народа может иметь лишь тот, кто потакает его страстям. Например, Мирабо: «Казалось, природа вылепила его голову для трона или для виселицы, выточила его руки, чтобы душить народы или похищать женщин. Когда он встряхивал гривой, глядя на толпу, он останавливал ее, когда он поднимал лапу и показывал когти, чернь бежала в ярости. Я видел его на трибуне во время одного из заседаний, среди ужасающего разброда: мрачный, безобразный, недвижимый, он был похож на бесстрастный, бесформенно клубящийся хаос Мильтона». Или Дантон – «помесь жандарма с прокурором». Революция, таким образом, скорее медицинская проблема, а революционеры – несостоявшиеся пациенты психиатрических лечебниц: «Душевные и телесные недуги сыграли в наших смутах большую роль: болезненное самолюбие породило пылких революционеров».

Смена республиканского режима имперским («военной деспотией») вполне закономерна, поскольку представляет собой переход одного вида деспотии (коллективистского) в дру-

гой (индивидуальную). Этим объясняется и быстрая идеологическая мимикрия бывших Брутов и Сцевола в полицейский режим империи. Он говорит о «метаморфозах», происходивших с людьми, которые «были бы отвратительны, не объясняйся они в большей мере гибкостью французского ума». Существует лишь «горстка возвышенных душ, чье постоянство смущает тех, кто не устоял» (он был среди них). Он мог наблюдать как «день ото дня совершалось превращение сторонников республики в сторонников империи, поклонников тирании всех в поборников деспотизма одного человека». То, что объединяет два этапа французской революции (в отличие от американской), – это отсутствие свободы, без которой нельзя создать прочный гражданский порядок. «Республика Вашингтона живет; империя Наполеона рухнула. Вашингтон и Бонапарт вышли из лоно демократии: оба дети свободы, но первый остался ей верен, второй же ее предал» (40).

С этих позиций он комментировал, в частности, эволюцию бонапартистского режима, сложная природа которого (дезориентировавшая многих идеологов), определялась именно тем, что он был первой попыткой примирить разные идеологические начала на прагматической основе. Завершением этого процесса представлял возврат к легитимной монархии, выступавшей как единственный способ обеспечения политической стабильности в расколоте общества постреволюционного периода (41).

Шатобриан стал идеологом Реставрации во имя свободы личности. Его главный труд «Монархия согласно Хартии» – «катехизис конституционного правления», где обосновывался тезис о короле, «который царствует, но не управляет». Данная формула представляется ему оптимальной как сочетание сохранения и изменения, свободы и ответственности, народной и монархической легитимности. Но именно в этом и состоит суть политической доктрины консерватизма. Нестабильность Реставрации во Франции объясняется не слабостью теоретических принципов консерватизма, но отступлениями от них, приведшими к крушению легитимной монархии. Смысл новой июльской монархии очень важен: «принцип королевского суверенитета уступил место принципу суверенитета народного, наследственная монархия – монархии выборной». Это был переворот с точки зрения принципов легитимизма, поскольку новая (орлеанская) династия, являясь нелегитимной, была вынуждена опираться не на право, а на силу. Однако возможна последующая легитимация: «каждый свершившийся факт порождает новое право, которое побеждает право старое; с каждым часом новая монархия делается все законнее».

Важнейший вклад Шатобриана в политическую теорию консерватизма – обоснование концепции легитимной монархии. Данная система, полагал он, позволяет найти середину между анархией и деспотизмом и обеспечивает свободу личности от различных посягательств на нее. Это достигается сочетанием в рамках единой системы трех принципов – республиканского, монархического и аристократического. Их гармоническое взаимодействие возможно лишь в случае восстановления династии и ее божественной легитимности. В результате возникает формула так называемой смешанной монархии, которая выражает политический компромисс периода Реставрации. Этот компромисс фиксируется в документе принципиальной важности – Хартии 1814 г. Данный конституционный акт, по определению Шатобриана, – «не экзотическое растение, случайное порождение момента: это результат наших настоящих нравов, это договор о мире, подписанный между двумя партиями, которые разделяли Францию» (42). Хартию Бурбонов – октроированную конституцию Реставрации – можно признать фундаментальной основой всего последующего монархического конституционализма в Европе. Однако сознательная неопределенность этого документа в вопросах разделения властей и определения прерогатив монархической власти открывала возможность противоположных трактовок – как в пользу парламентаризма, так и монархического принципа. В большинстве государств Центральной и Восточной Европы, а также ряде государств Азии положения французской Хартии трактовались в пользу монархического принципа и служили правовой

легитимации режима мнимого конституционализма (43). В самой Франции интерпретация положений Хартии была далека от единства. Так, либерал Ф. Гизо отвергал идею ответственного министерства и отстаивал монархический принцип, обосновывая прерогативы монарха на определение политического курса и назначение правительства (44). Консерватор Шатобриан, напротив, дает вполне либеральную трактовку Хартии. В «Политических размышлениях» ее положения интерпретируются в пользу смешанной формы правления (как единства короля, аристократии и народа). Эта интерпретация близка позиции Аристотеля и Монтескье.

Однако в главном политическом труде – «Монархия согласно Хартии» (1816) Шатобриан кладет в основу интерпретации французской политической системы концепцию английской парламентской монархии. Данный «конституционный катехизис» был направлен против курса консервативной реставрации, проводившегося всесильным фаворитом Людовика XVIII – Деказом (45). Значение данного труда заключается в том, что в нем впервые с необычной ясностью и четкостью сформулированы принципы парламентского правления, которые не получили тогда адекватного теоретического освещения в самой Англии. Более того, некоторые исследователи полагают, что в данный период не существовало самого «парламентского правления», а формулировка его принципов стала новым словом для всех конституционных монархий.

Эта «англомания» Шатобриана, в которой его обвиняли оппоненты, отнюдь не была случайной, но вытекала из всей логики консервативного (или либерально-консервативного) образа мышления (и именно поэтому была свойственна многим последующим его представителям). Подобно Монтескье и Токвилю, Шатобриан видел в английской модели пример эволюционного и бесконфликтного разрешения социальных и политических противоречий. Если национальный суверенитет теоретически не может быть представлен, то он может получить символическое выражение в институте легитимной монархии, где король «царствует, но не управляет». Так рецепция классической английской формулы позволяла разрешить доктринальное противоречие принципа народного суверенитета и представительства. Для создания подобной сложной, тонкой и динамичной саморегулирующейся системы необходимо достичь единства трех сил – общественного мнения, элит и королевской прерогативы. Они представлены институционально парламентом, правительством и монархом. Две палаты парламента (палата депутатов и палата пэров) выражают баланс демократического и аристократического начал. Верхняя палата необходима не для защиты сословных прав аристократии, а для защиты свободы в широком смысле. Отношения парламента и правительства определяются формулой об ответственном министерстве. Трактовка данной ответственности была достаточно широкой: она включала концепцию единства кабинета министров (во главе с премьер-министром, отставка которого означает смену правительства); новый механизм назначения и отставки правительства (путем парламентского голосования о доверии); принятие палатой бюджета (который формируется и вносится правительством); право палаты обращаться к министрам с запросами и необходимость для последних отвечать на них; наконец, необходимость (вопреки ортодоксальной трактовке разделения властей) для министров быть членами палат с тем, чтобы иметь возможность отстаивать свое мнение. Наконец, монархический компонент в этой системе получает исключительно символическое или идеологическое содержание. Фактическая безответственность монарха (за действия которого отвечают министры) компенсируется абсолютностью его символической власти. В данном типе монархии король «более абсолютен, чем его предки, более могуществен, чем султан в Константинополе или Людовик XIV в Версале» (46). Эта мысль (о формальном всеилии королевской власти в Англии) традиционно рассматривалась как способ гарантии свободы и обосновывалась еще де Лольмом (47). Движущей силой всей системы является общественное мнение, которое обеспечивается свободой прессы – этим «социальным электричеством», не дающим системе перестать функционировать. «В представительном правлении существует два суда – палаты, где рассматриваются осо-

бые интересы нации и сама нация, которая судит за пределами палат». Это была фактически концепция парламентской монархии, хотя Шатобриан не использует этого термина, заменяя его «представительным правлением». Данная модель политической системы, согласно Шатобриану, более эффективна и менее сложна, чем монархия Старого порядка, но у нее есть один недостаток: она является более тонкой и заслуживает бережного обращения – «насилие разобьет ее». Именно это последнее обстоятельство, однако, мешало реализации политического компромисса. Ситуация, в которой были написаны эти слова, определяется в современной политологии как режим переходного периода, для которого (как и для Веймарской республики) был характерен непримиримый конфликт крайних течений – по терминологии Шатобриана «белых якобинцев» (роялистов) и «черных якобинцев» (республиканцев) (48).

Концепция легитимного правления подразумевала, следовательно, и его антитезу – правления нелегитимного, узурпации власти, тирании. Нарушая фундаментальные естественные законы, революционные режимы (как якобинский или бонапартистский) – становились нелегитимными, а следовательно, их свержение – вполне оправданным с моральной и правовой точки зрения. Лейтмотивом консервативной идеологической модели в условиях переходных периодов постреволюционной стабилизации становилась теория антиреволюционной реакции и обоснование необходимости контрреволюционной диктатуры. Этот вывод имеет универсальное значение для всей консервативной мысли от таких ее ранних представителей, как де Местр и Донозо Кортес до теоретиков итальянского фашизма (Дж. Джентиле) и, особенно, Карла Шмитта в Веймарской Германии.

Для достижения своей цели контрреволюция может опираться на насилие и противостоять деструктивным тенденциям извне. Вот какие рекомендации сделал де Местр российскому правительству в своих «Петербургских вечерах», рассматривая самодержавие как последний оплот против европейской революции: отказаться от идеи радикальных социальных реформ (отмены крепостного права); поддерживать правящий слой и ограничить социальную мобильность, способную изменить его качественную природу; установить контроль над наукой и торговлей; предотвратить проникновение в страну деструктивных западных доктрин и иностранцев; способствовать распространению веры (имелись в виду католическая вера и представительство иезуитов). Это идеал закрытого общества, лишённого обмена информацией с внешней средой, жестко иерархизированного и скрепленного самодержавной властью. Он включает в себя те основные элементы, которые присутствовали как в европейской, так и в русской консервативной мысли (например, Н.М. Карамзина). Речь идет, однако, не об идеальной модели общественного устройства, а скорее о чрезвычайных мерах для предотвращения всемирного социального хаоса. Главная опасность при этом прозорливо усматривается в соединении спонтанного и массового народного движения с деятельностью идеологов экстремистской революционной направленности. Де Местр выражает эту тенденцию образом «Пугачева с университетским дипломом», в котором некоторые исследователи усматривают предсказание Ленина. Эти принципы, являвшиеся идеологической основой Священного Союза и европейской реакции от Петербурга до Лиссабона, важны как определенная программа выхода из социального кризиса путем усиления консервативных и авторитарных методов управления (49).

Сопоставление стран, где революции уже произошли (как Великобритания, США и особенно Франция), и тех, где они еще не имели места, но сохранялась угроза их возникновения (Испания, Восточная Европа и Россия), оказалось важным конструктивным элементом, разработанным консервативной мыслью последующего периода. Она включает в себя три компонента, намеченные де Местром, – иррационализм (отрицание веры в науку как созидательную силу); сознательное обращение к стихийным проявлениям человеческой природы (интуитивному, бессознательному, тайному); наконец, апология воли и сверхчеловеческого во имя преодоления рациональной критики. Суммировав эти наблюдения, можно констатировать определенную преемственность консерватизма и идеологии фашизма. Как отметил И. Берлин в

эссе о де Местре, «что-то сближает его с параноидальным миром современного фашизма», а некоторые выводы этого мыслителя заставляют признать его «замечательным и ужасным пророком нашего времени» (50).

Теория антиреволюционной реакции была доведена до предела испанцем Хуаном Донозо Кортесом (1809–1853). Эволюция его взглядов представляет особый интерес, поскольку они служат связующим звеном между классическим консерватизмом и авторитарными доктринами XX в. (в частности, нацистской Германии и франкистской Испании). Начавший как либерал, он утратил затем веру в человеческий разум и выдвинул, под влиянием революции 1848 г., религиозно-моральную теорию чрезвычайного положения и диктатуры, стремясь найти рациональную легитимацию монархической власти.

Уже в лекциях 1836–1837 гг. Х. Донозо Кортес стремится преодолеть разрыв разума (*Inteligencia*) и свободы (*Libertad*), дуализм которых – неотъемлемая основа нормального общества. Установление гармонических отношений общества и государства предполагает необходимость определения границ вмешательства последнего в права индивида. Государство не может разрушать неотъемлемые права и свободы индивида, но лишь охранять их. С позиций умеренного либерализма (близкого философии Гегеля, Фихте и Шеллинга) предложена оригинальная классификация политических режимов в соответствии с тенденциями развития отношений общества и личности в них: когда общество поглощает личность (как это имеет место на Востоке, где основу правления составляет пассивное послушание и вера); когда личность поглощает общество (греческий и римский мир до установления империи, где в основу положено развитие человеческой индивидуальности и свободы); или, наконец, когда общество и личность сосуществуют в постоянной гармонии (основой служит единство закона индивида и закона объединения). В теории нового времени первая модель выражена Руссо с его доктриной народного суверенитета; вторая – Гоббсом с доктриной монархического суверенитета. Обе они представляют две неприемлемые крайности. Значение XIX в. усматривается в синтезе этих двух теорий во имя прогресса. Теория Руссо, который назван «страшным воплощением народа», определяется как «военная машина, послужившая человечеству для того, чтобы разрушить создание двенадцати веков». Теория общественного договора Руссо – «исторически фальшива и логически несостоятельна» (*una teoria historicamente falsa y logicamente insostenible*). В сущности, указывает он одним из первых, «Народный суверенитет и священное право королей, деспотизм и демократия – это одно и то же» (51). Народ, как и короли, стремится к провозглашению безраздельной власти – суверенитета в его подлинном смысле. Поэтому эти две формы власти (демократия и тирания) легко переходят одна в другую. Они, в сущности, не противоречат друг другу, поскольку сердцевину обоих составляет неограниченная власть.

Направления этой критики характерны для умеренного испанского либерализма и консерватизма: теория народного суверенитета атеистична (ибо передает безраздельную власть обществу, а не Богу), она ведет поэтому к разрушению общества; подразумевает принудительное равенство обязанностей между неравными по природе людьми, а потому ее результатом могут быть лишь рабство и тирания. Между лозунгами народного суверенитета и священного права пролегают моря крови. Оба они принадлежат истории и должны быть заменены третьим лозунгом – суверенитетом разума и справедливости (*soberania de la intelihencia y de la justicia*). Первые два лозунга ведут не к свободе, а к рабству, не к прогрессу, а к реакции, выражают не человечество, а партии. Сходные аргументы приводили представители умеренного либерализма Восточной Европы, в том числе – России. Для философии истории ключевыми являются понятия человека, общества и правительства. Выдвигается идеал представительного правления, обеспечивающего такое взаимодействие этих параметров, которое ведет к защите прав личности и реализации ее гармоничных отношений с обществом (т. е. реализации третьей конструкции). На этой (либеральной) фазе Кортес довольно последовательно критиковал консер-

ваторов, в частности Бональда, за идеал теократического государства, предрекая, что в случае его реализации религиозная власть подчинит себе светскую и возникнет одна из форм восточного государства – пантеистическая теократия (наподобие Индии) или теистическая (которую в истории представляли евреи, персы, китайцы, татары и арабы). Он говорит об идеальном государстве Платона примерно то же, что могли бы сказать мы, имея опыт советской идеократии. Однако уже в это время идеи гуманизма, свободы и равенства выводятся из долга – отношения человека к Богу. Революция 1848 г. и личная жизненная драма окончательно сделали Кортеса полным легитимистом, монархистом и клерикалом. В новейшее время Кортес стал популярен благодаря К. Шмитту, которого интересовали именно эти его идеи. Этим объясняется и его популярность в Испании времен Франко. Для Шмитта важнейшим достижением берлинского пребывания Кортеса (1849) было то, что он изменил свое мнение о способности России быть бастионом европейского консерватизма. После этого оставалось одно спасение – диктатура. Обращение к диктатуре, вытекавшее из римских традиций и децизионизма, было, однако, внешним элементом в его системе консервативных идей. Но оно стало отправной точкой для концепции диктатуры и чрезвычайного положения самого Шмитта (52).

В Германии критика рационалистических теорий естественного права и общественного договора начинается с работ Карла Людвиг Хеллера. Важными направлениями консервативной мысли становятся затем романтика и конституционный консерватизм. Консервативная политическая романтика (Новалис, А. Мюллер) стремилась вывести государство и религию из некоего органического единства. В сходном направлении выступала историческая школа права Фридриха Карла фон Савиньи, выводившая право из народного духа (53). В дальнейшем конституционные идеи Ф.Ю. Штала способствовали четкой формулировке монархического принципа (54). Идеи Лоренца фон Штейна в области социальной проблематики обогатили консерватизм в этом направлении. Признавая существование классового конфликта в обществе, последний считал возможным разрешить его путем государственного регулирования и административных реформ (55). Консервативные германские юристы обосновывали теорию государства как юридического лица, наделяя его волей и целью в праве (56). Метафизическая и авторитарная трактовка государственной воли являлась квази-официальным обоснованием имперской государственности, централизма власти, роли монархического принципа (57). В Веймарской Германии, по мере разворачивания острого политического кризиса, консервативная идеология получила выражение в новой интерпретации политической романтики.

Карл Шмитт противопоставлял дискуссии без решения (романтика) решение без дискуссии (диктатура) как две крайности. Вторая крайность была для него предпочтительнее первой в условиях Веймарской республики. Критика романтики как бесплодной вечной дискуссии и апология решительности стали фоном для его концепции диктатуры. Он дал полное описание истории данного феномена, охватывающего период от римского консулата до современной «диктатуры пролетариата» и до диктаторских элементов Веймарской конституции (58). Принципиальное значение имело различие двух типов диктатуры. Один из них – «комиссариатская» диктатура – назывался так потому, что диктаторская власть (комиссары) наделялась своими полномочиями со стороны конституированной власти. Данный вид диктатуры имел место с римских времен, был характерен для абсолютистских монархий (получив теоретическое обоснование у Ж. Бодена) и представлен народными комиссарами Французской революции. Смысл диктатуры данного вида состоял в сохранении существующей конституции путем временного приостановления ее статей. Это был, следовательно, чрезвычайный режим, направленный на защиту *status quo*. Совершенно иные цели преследовал второй тип диктатуры, получивший название «суверенной» диктатуры. Она получила такое название потому, что диктаторские полномочия предоставлялись конституирующей властью. В задачу данного типа диктатуры (примерами которой служили революционное Национальное собрание Франции и «диктатура пролетариата» в России) входило установление новой конституции на место

старой. Сохраняя формальную зависимость от воли доверителей (французской нации или пролетариата), данный тип диктатуры фактически не мог быть ограничен правовым путем в силу факта самообретения власти. Второй тип диктатуры, следовательно, был направлен на революционное разрушение общества.

В контексте Веймарской конституции Шмитт мог определять Учредительное собрание как «суверена», а диктатуру рейхспрезидента (по ст. 48) как комиссариатскую диктатуру. Проблема заключалась в вопросе, возможно ли сохранение консенсуса в случае разрушения конституции; не станет ли в условиях конституционного кризиса «комиссарматский» гарант конституции неограниченным «сувереном». И кто, собственно, является носителем суверенитета в «суверенной» диктатуре, которая колеблется между комиссией (посредничеством) и самостоятельностью – доверитель, диктатор или оба? «Сувереном является тот, кто принимает решение о введении чрезвычайного положения», – гласит ответ К. Шмитта на этот вопрос. Эта известная формула «Политической теологии» (1922) связывает суверенитет и ситуацию чрезвычайного положения, а сувереном объявляет того, кто в экстремальном случае решает вопрос об общественной безопасности и благополучии (59). Суверенная компетенция недвусмысленно неделима и неограниченна; суверенитет – монополия на принятие решения, а суверен – принимает решение в правовом небытии, независимо от права и нормы, получает силу чистого решения. Тезис о том, что всякое решение лучше, чем его отсутствие, – приобретает характер непререкаемой истины в кризисном положении. Однако это ведет к острому противоречию между нормативизмом и децизионизмом. Государство, которое для Шмитта первоначально не должно было являться «создателем права», тем не менее, становилось своего рода демиургом нового правового порядка, что делало необходимым обсуждение ценности этого права. Данный децизионизм возвращал политико-правовую мысль назад к первым теориям абсолютистского суверенитета – Гоббсу и Бодену. Для Шмитта, который хотел быть современным Гоббсом, суверенитет государства становился темой политической теологии.

В этом контексте важные идеологические следствия имела замена концепции государства концепцией политического. Суть ее в том, что государство утратило свою монополию на политику. Поэтому концепция государства должна уступить место концепции друга – врага. Такая постановка вопроса открывала путь чисто идеологической концепции тоталитарного типа (60).

Вклад консервативной идеологической модели в создание современного общества прослеживается по следующим направлениям: предельно трезвый и реалистичный взгляд на человека и общество, отказ от метафизики просветителей и веры в идеальное общественное устройство будущего; критика с этих позиций различных (прежде всего – революционных) утопий; циклическая теория революций, которые неизбежно уничтожают их инициаторов и возвращают ситуацию вспять к естественному состоянию; активная установка на противодействие революции и теоретическое обоснование диктатуры для выхода из конституционных кризисов и восстановления легитимного режима.

3. Либерализм: преобразование права во имя свободы

Системообразующим для либерализма является понятие прав личности. Либерализм для нас – это всегда жизненно необходимый минимум прав личности. Именно в этом состоит фундаментальное единство либерализма и причина его постоянного возрождения во все новых условиях и облициях. В соответствии с тем, дефицит каких прав (экономических, социальных, политических, религиозных, демографических и т. д.) особенно остро ощущим для данного общества, меняется и конкретная программа либералов, а отчасти и его социальная база. В лице либерализма мы имеем, следовательно, чувствительный индикатор состояния общества и прежде всего основной его массы, средних слоев, для которых характерно, с одной стороны, стремление к изменениям в лучшую сторону, а с другой – неприятие крайних методов, грозящих потерей и тех прав личности, которыми она уже обладает. Данный подход позволяет объяснить давно отмеченное противоречие: постоянное изменение форм либеральной идеологии и даже некоторых ее содержательных параметров, с одной стороны, и постоянное возрождение либерализма в его содержании, с другой (61). В отличие от большинства других идеологий настоящего времени, либерализм сегодня – это идеология и практика демократических государств; теория прав человека и, одновременно, их конституционное закрепление; это доктрина плюралистической демократии и в то же время гарантии ее институциональной и судебной защиты. В силу этого либерализм предстает как история и современность, идеологическое течение и социальное движение, система политических институтов и даже как проведение определенной государственной политики (62).

В противоположность консерватизму либерализм представлял доминирующую силу в антифеодальной борьбе, противопоставляя сословным порядкам принцип свободы. Но уже во время революции наметилось противоречие принципов либерализма и демократии (в социально-эгалитарном смысле). Либеральные принципы гарантий собственности, права, политической свободы, конституционных норм вступали в противоречие с идеями уравнительного распределения или фактической демократии. Отсюда выступление либерализма против концепции демократии формирующегося социализма и его обращение к бонапартизму в условиях революционных кризисов. Таким образом, из внутренне противоречивой формулы революции – «свободы и равенства» либерализм принял только первый компонент. Равенство понимается им исключительно как формальное условие свободы (равенство всех перед законом). Классический либерализм, представленный такими мыслителями, как Гизо, Токвиль, Милль, германский домартовский либерализм, оказал влияние на формирование соответствующих политических систем стран Запада, выступая за различные варианты конституционной монархии и защиту прав личности как от государства, так и от массового общества. Сущность классического либерализма выражается в требовании неограниченных возможностей развития рынка, свободной конкуренции, невмешательства (или ограниченного вмешательства в случае необходимости) государства в экономику, всемерном отстаивании права частной собственности как необходимого условия экономического роста и политической свободы. С этим связана другая важнейшая особенность либеральной доктрины – ее правовой характер. Либерализм вообще может быть определен как требование правового порядка, при котором использование государством своих функций принуждения сведено до минимума, определяемого правилами общественной справедливости (63).

Важнейшие политические принципы либерализма – основные права, правовое государство, разделение властей – ныне закреплены конституционно в демократических государствах. Понятие «либерализм» выводится от *liberales* – последователей испанской конституции 1812 г. Нов целом это понятие означает начавшуюся ранее борьбу среднего сословия (буржуазии) против ограничений духовных, религиозных, экономических, социальных и политиче-

ских прав со стороны старого порядка и абсолютизма. Данное течение отвергало прежде всего ограничения, связанные с системой сословных привилегий, налогами, общим политическим и административным климатом. Речь шла о том, чтобы установить новый, свободный, социальный порядок на основе либеральных принципов. В этом состояла объективная цель Славной революции 1688 г., Американской гражданской войны, Французской революции 1789 г., конституционных революций и переворотов в Испании, Португалии, Греции и других государств Южной Европы, реформ в Пруссии и других германских землях XIX в., либеральных реформ 1860-х гг. в России, а также разработки конституций, направленных на ограничение монархической власти. Центральная идея заключалась в том, чтобы дать конституционно-правовое закрепление индивидуальной свободы во всех областях, прежде всего экономической и политической деятельности. Дело в том, что экономические и социальные принципы либерализма уже в силу самой своей природы не могут быть реализованы вне гражданского общества и правового государства, без четко разработанных правовых норм, регулирующих отношения собственности, производства и распределения, взаимоотношения индивидов между собой и с государством. Классическим примером такого права является Кодекс Наполеона, интерпретировавший многие идеи естественного права применительно к эпохе нового времени. Новое правосознание или даже шире – правовая культура и этика – служили делу создания гражданского общества и правового государства.

Либеральная модель общественного устройства предстает в истории достаточно четко. Основными идеологическими параметрами классического либерализма принято считать следующие: в экономике – это сторонник промышленного капитализма и экономической свободы, невмешательства государства в рыночные отношения и организацию хозяйства; в социальных отношениях – выразитель интересов среднего класса (буржуазии); в политике – парламентарной демократии, кабинетской системы и свободы политических партий, а также всестороннего развития права, в культурной жизни – свободы мысли и слова; в религии – антиклерикализма и в то же время терпимости к инакомыслию, в нравственности – торжества утилитарных принципов и индивидуализма; в национальном вопросе – национализма (в смысле приоритетов национальной государственности). Однако наиболее типична для данного общественно-политического течения – борьба за демократию и право, создание соответствующих инструментов их претворения в жизнь. Важнейшим достижением либерализма явилось новое гражданское и политическое мышление, основу которого составило представление о правах человека как естественных, гарантия соблюдения которых состоит в демократической организации политической системы – конституционализме, свободе совести, индивидуализме. Данный взгляд на либерализм как продукт социального развития нового времени получил признание у представителей неолиберализма, для которых, однако, свойственно более четкое подразделение двух основных типов либерального движения – классического, являющегося предшественником современной западной демократии, и производного от него либерализма, подвергнувшегося ревизии с позиций рационализма и представляющего собой предшественника современного социализма. Экономические и политические принципы либерализма проявились в его образовательной стратегии, направленной на утверждение радикальной независимости мысли, духовной автономности индивида от церкви, общественных структур или государства. Либерализм выступает одновременно как антифеодалное и антисоциалистическое течение, поскольку отстаивает свободу личности и собственности (64).

Программа либерализма включает создание новой системы отношений общества и государства путем независимых общественных объединений, установления социального контроля над властью путем выборов; предоставления центральной роли парламенту, реализации принципа разделения властей и возможности их критики со стороны общественного мнения. Данная программа выражала интересы наиболее динамичной и просвещенной части общества,

выступавшей за его модернизацию – так называемых «образованных классов» или «общественности».

Доминирующие тенденции в интерпретации либерализма в странах Европы XVIII–XIX вв. имели существенные особенности, связанные с различием объективных задач, стоящих перед ним. Так, либерализм эпохи Французской революции характеризовался ярко выраженным рационализмом и радикализмом, а главной проблемой для него стала несовместимость демократии (как равенства и правления большинства) и свободы (прав индивида). Напротив, либеральная мысль Английской и Американской революций, представленная сочинениями Дж. Локка и федералистов, отличалась особым вниманием к правовым гарантиям прав личности и собственности (65), а главной проблемой английского либерализма стал поиск конструктивного разрешения социальных конфликтов, представленный лучше всего концепцией утилитаризма (И. Бентам) (66) и программой постепенных правовых реформ, осуществляемых с прагматическими целями (Дж.С. Милль) (67). Германская традиция либерализма сформировалась позднее, характеризовалась большим консерватизмом (в отношении революционных принципов французского либерализма) и была в большей степени окрашена национальными и социальными тенденциями (в условиях образования единой империи и проведения социальных реформ сверху в стиле Ф. Науманна) (68). Страны Южной Европы в своих либеральных традициях также давали синтез либеральных и религиозных ценностей (Испания) или либерализма и романтических идей национального возрождения (Италия, Греция) (69). Существенную специфику имела крепостная Россия, где либеральные ценности вообще могли быть реализованы только при активном участии просвещенной бюрократии. Таким образом, констатируя единство принципов либеральной идеологии, мы должны иметь в виду возможности их различного и чрезвычайно гибкого применения в различных регионах и периоды времени.

Уже в ходе революции возникают различные трактовки такого фундаментального для либерализма понятия, как «свобода» и способов ее достижения в обществе. Речь идет, с одной стороны, о ее интерпретации в коллективистском смысле (как общественного блага, равенства и, прежде всего, обязанностей индивида перед обществом), а с другой, в индивидуалистическом смысле (как свободы индивидуальной деятельности, собственности и прав личности, которые необходимо гарантировать от вмешательства как со стороны государства, так и общества). В период революции эти две трактовки свободы, восходящие к Руссо и Монтескье, только начинают разграничиваться. В дальнейшем первая вела к социализму, вторая – к либерализму в его классическом понимании (70). Первая трактовка делала акцент на неизменные обязательства личности в отношении общества, установленные раз и навсегда: «Общественный договор, – писал Л. Карно, – есть молчаливое соглашение, которое составляет в сущности основу всякого общества, какова бы ни была конституция и особая организация. Этот договор, как и всякий конвенциональный акт, дает договаривающимся сторонам преимущества и накладывает на них обязательства: преимуществами является то, что носит название прав гражданина; обязательства составляет то, что именуется всеобщей моралью». В естественном состоянии права человека неопределенны; но в обществе человек определяет их, становясь гражданином (71).

Вторая подчеркивала необходимость предоставления каждому гражданину возможности постоянной критической оценки преимуществ и недостатков принятой конституции. С этой целью Кондорсэ разрабатывал такой механизм организации конституционных ассамблей, который бы позволял систематически учитывать изменения позиции граждан в пространствах каждого поколения. Этот мониторинг конституционных настроений через определенные промежутки времени необходим для того, чтобы одно поколение не навязало свою волю последующим, а также для того, чтобы соотносить конституционные формы и меняющуюся политическую реальность. Необходимыми условиями демократической процедуры изменения

конституции признавались свобода публичных рекламаций (ходатайства) и их немногочисленность. В случае соединения этих двух условий (в одно время) очень вероятно, что данная конституция получит санкцию большинства граждан; в случае отсутствия одного из них ясно, что никакой возможности такого одобрения не существует (72). Перед нами две концепции свободы и две модели конституционного устройства – закрытая и открытая, основанная на абстрактных принципах общего блага или необходимости постоянной верификации с общественным мнением, коллективистская или индивидуалистическая. Эти две концепции постоянно приходили в столкновение в ходе революции. Кондорсэ, являвшийся создателем либерального конституционного проекта, был казнен якобинцами прежде всего как сильный идеологический противник (73).

Революционная интерпретация принципов либерализма во Франции была сформулирована наиболее четко Эммануэлем Жозефом Сийесом, но претерпела существенные модификации уже в ходе революции и особенно в период ее ретроспективного анализа мадам де Сталь, Б. Констаном и А. де Токвилем. Значение Сийеса как крупнейшего либерального мыслителя определяется формулами знаменитого памфлета 1789 г. – «Что такое третье сословие?». План брошюры Сийеса предельно прост и выражается в ответах на три вопроса: «1. Что такое Третье сословие? – Все. 2. Чем оно было в политическом устройстве до настоящего времени? – Ничем. 3. Чего оно добивается? – Стать чем-нибудь» (74). Следует отметить, что Французская революция, как, впрочем, и всякая другая радикальная социальная революция, пошла значительно дальше этих начальных требований, предоставив третьему сословию не что-нибудь, а все, чего оно могло добиваться, – новый правовой статус, укрепление прав собственности, культурные и символические ценности, которых оно было лишено в предшествующее время. Брошюра Сийеса уже своей риторикой выражает эти либеральные принципы – «империя разума», «общественный договор», «равенство прав». В свете прогресса разума, – полагает он, – необходимо восстановить узурпированные права. Раньше или позже необходимо, чтобы все классы сосредоточились в рамках общественного договора, который выстраивает отношения на новой основе после долгой ночи феодального варварства («la longue nuit de la barbarie féodale», «les absurdités gothiques»). Универсальность этих идей для современного гражданского общества подчеркивается тем обстоятельством, что они были актуальны не только во Франции 1789 г., но и в России 1989 г. Фактически речь шла о выходе на историческую арену новых социальных слоев, которые тяготились традиционалистскими сословными перегородками Старого порядка и деспотизмом власти, – власти, которая ранее была источником стабильности в море хаоса, но затем стала восприниматься как основное препятствие реализации прав личности и собственности.

В труде Сийеса чрезвычайно четко формулировались либеральные принципы, ознаменовавшие разрыв между старым и новым обществом и заложившие основу нового публичного права: единство и суверенитет нации; представительство всей нации через ее избранных представителей; различие власти конституирующей и конституционной. Важность этих принципов, которые до сих пор служат современной демократии и закреплены конституционно, требует их специального рассмотрения. Первый из них – принцип национального суверенитета. Нация, согласно Сийесу, существует прежде всего, она – источник всего. Ее воля всегда законна, она сама есть закон. До ее возникновения и за ее пределами существует только естественное право. Истинные позитивные законы могут быть только эманацией воли нации. К позитивным законам относятся, прежде всего, конституционные законы, которые подразделяются на два вида: одни регламентируют организацию и функции законодательного корпуса; другие – определяют организацию и функции различных действующих властей (*corps actifs*). Определение этих конституционных законов как фундаментальных отнюдь не означает, что они могут стать независимыми от национальной воли, но только то, что неприкосновенными являются созданные ими установления. Конституция во всех своих частях явля-

ется созданием власти конституирующей (*pouvoir constituant*), а не конституированной власти (*pouvoir constitué*). Понятие фундаментальности конституционных законов означает лишь то, что никакой вид делегированной власти не может ничего изменить в условиях делегирования. Первая категория законов, которые устанавливают законодательную власть, основана на национальной воле, существующей до всякой конституции. Вторая категория законов – те, которые должны быть приняты специальной представительной волей. Таким образом, все части правительства, непосредственно или опосредованно, в конечном счете, зависимы от нации и ответственны перед ней. Хотя Сийес писал, что эти формулировки имеют предварительный характер, именно они заложили основу важного конституционного принципа: нация формируется естественным правом, а правительству, напротив, принадлежит только позитивное право.

Другой важнейший элемент конструкции публичного права – концепция конституирующей власти. Известно, что доктрина народного суверенитета Руссо отрицала возможность представительной демократии (народная воля не может быть представлена никем, кроме самого народа). Сийес нашел решение проблемы своей концепцией Конституанты. Собрание чрезвычайных представителей, согласно его учению, способно заменить собрание нации. Данное собрание не должно, безусловно, узурпировать народную волю и поэтому не наделяется всей полнотой национальной воли. Ему предоставляется лишь специальная власть, причем в редких случаях, но в этой исключительной ситуации оно уподобляется нации с точки зрения своей независимости от всех конституционных форм. Сийес, в отличие от Локка и Монтескье, не думал, что следует принимать предосторожности против возможной узурпации власти со стороны законодательного собрания, поскольку народные представители являются депутатами, посланными только для одного дела, а срок их полномочий ограничен во времени. Эти рассуждения Сийеса представляют несомненную важность для конституционной теории, поскольку лежат в основе концепции представительного правления. Однако они были опровергнуты практикой революции, поскольку народное представительство (Конвент) оказалось вполне самостоятельным институтом власти и узурпировало ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.